

18+

Евгений Андреевич
Каштанов

Дума

Евгений Андреевич Каштанов

Дума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51848442

ISBN 9785449855343

Аннотация

Часто ли мы задумываемся о том, насколько глубок человеческий разум, насколько эта темная, мрачная пучина может быть неизведанной? Часто ли мы думаем о том, что на самом деле из себя представляет человек, при этом не полагаясь лишь на первые впечатления? Насколько глубокой, черствой и колющей может быть история жизни отдельно взятого человека. К чему может привести его мощная, крепкая, как огромный валун, сила воли. А может, и не столь мощная... Чем может обернуться его драматичная история?

Содержание

Каштанов Е. А.	5
Дума	6
1. Час дня	11
2. Парк	17
3. Пища для ума	28
4. Девушка, добившаяся успехов	35
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Дума

**Евгений Андреевич
Каштанов**

© Евгений Андреевич Каштанов, 2020

ISBN 978-5-4498-5534-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Каштанов Е. А.

Дума

Василий частенько гулял по улицам своего города. Он гулял в разную погоду, но теплую любил больше всего. Весна и лето вселяли в него какое-то позитивное настроение, добрый настрой, желание жить и радоваться. Несмотря на то, что он может прогуливаться в разное время года, осенняя погода вселяла в него лишь депрессию, скуку и уныние. Нередко случалось, что из-за такого он мог остаться сидеть дома. Чтож, с кем ни бывает. На своем пути он встречал разных людей: взрослых и детей; с детьми и без; влюбленных парочек и заядлых одиночек. Сам же он был, если его можно отнести к одной из этих категорий, скорее, заядлый одиночка. Да, у него были в свое время друзья. И в дошкольном возрасте, и будучи школьником он имел немало товарищей. Однако сейчас он один одинешенек. Гуляет себе свободной походкой и бед не чувствует. А что еще остается? Зато Василий много думал. О всяком он думал. Любил думать. Однако не всегда понятно, до чего наш разум может нас довести. Так и Василий, каждый раз выходя на прогулку, не знал, что выдаст его мозг. Порой то были совсем случайные мыслишки, порой были и такие, которые заставляли задуматься не на час и не на два, а, быть может даже на три. В общем и целом, он любил думать обо всем и в то же время ни о чем.

Вот такой он человек.

Как было сказано ранее, на своем пути он видел немало разных людей. Но вдруг он заметил каких-то двух личностей в разное время и в разных местах. Почему-то именно эти два человека очень сильно запомнились Василию. С ним редко такое случалось, пожалуй даже впервые.

Одна из таковой являлась девушка. Стояла ясная, но не теплая и не холодная погода, которая предвещала некое однотонное спокойствие. По крайней мере так казалось Василию. В принципе и такая погода его устраивала. Главное, что не дождь, холод и сырость, – думал Василий. Девушка стояла рядом с каким-то зданием, на котором было написано «РЕФОРМЫ РАЗУМА». Василий не знал предназначение этого здания, хотя, надо признать, людей, посещавших это здание, было не так уж и много. Неизвестно с чем это было связано, но таковое явление имело место быть. Это было немаленьких, можно даже сказать, больших размеров здание. Величественное и красивое, сделанное по европейскому стилю известным архитектором, который любил проектировать вычурные здания, коим это и являлось. Надо отдать должное: здание хоть и могло казаться странным, но в нем присутствовала некая эстетика, которая вдруг притянула взгляд Василия в этот день. Это сооружение казалось и строгим, и в то же время оно отдавало каким-то свободным стилем. После того, как Василий оторвал взгляд от этого здания, его тут же перехватила эта девушка. Она стояла в си-

нем аккуратном пальто, на котором был вырез в районе шеи, на черных каблуках, в квадратных очках, грани которых отдавали темно-фиолетовым отблеском, будто бы то был едва заметный градиент, а в её руках имелась такая же синенькая сумочка, из которой выглядывала книжка. Однако на лице девушки не было косметики от слова совсем. Такой факт удивил Василия, ведь девушка казалась богато одетой. На руках её были заметны золотой тонкий браслетик, на котором, кажется, что-то было выгравировано, и такие же золотые часы, миниатюрные, но придающие вкусу девушке изысканности. Было в этой личности что-то необычное. Своим видом она напоминала какую-то богатую даму, и в то же время она казалось обычной молодой девушкой, которая, может быть, просто любит читать, поэтому носит с собой книгу. Взгляд её казался очень умным и внимательным, словно она решает какую-то трудную математическую загадку в голове. Что она делала рядом с этим зданием – неизвестно. Василий не стал тревожить человека, однако не мог не заострить внимание на этой особе. Казалось, что она не замечала Василия. Она почти что не производила никаких движений, лишь стояла, словно кого-то ждала. Василий долго думал, что это за здание, и что это за девушка такая интересная, но не стал ломать голову, ведь в этот момент неизвестно почему вокруг образовалось большое скопление людей. Дабы не толкаться в этой куче, Василий двинулся гулять дальше.

Через какое-то время, в другой день ему встретилась еще

одна интересная личность. В этот раз это был мужчина. Стояла холодная, сырая погода. На место голубеньких облаков пришли тусклые тучи, которые не предвещали ничего хорошего. Василий хотел было идти домой, как вдруг заметил одного мужчину. Кажется, начинал накрапывать моросящий дождь. Он был в черном, длинным, но не до самых ног пальто, в черных ботинках, черных штанах и таком же черном свитерке, воротник которого закрывал шею неизвестного. Пальто было расстегнуто. Единственное украшение, которое можно было заметить на руках этой личности, были классические серебряные часы, на которые он время от времени поглядывал. Не вычурные, но придающие элемент мужественности. Мужчина так же стоял неподвижно, лицо его больше чем наполовину закрывала тень от фасада здания. По очертаниям тени можно было предположить, что волосы его не короткие, а взгляд его хоть и был виден не полностью, но Василий понял, что он был серьезным, твердым, пронзительным и в какой-то мере трагичным. Кажется, у мужчины так же имелась борода, не длинная, но и не короткая. Словно бы он был бескомпромиссным человеком, который пойдет на все ради решения какой-то цели, которая у него на первой строчке важности. Личность стояла возле какого-то театра. Театр этот был не таких больших размеров, по крайней мере если сравнивать с тем зданием, возле которого стояла девушка. Однако театр выглядел менее строго. Если то здание вселяло какую-то серьезность, то эта постройка вселяла

какую-то расслабленность. Создавалось такое чувство, будто театр этот строили свободной рукой, словно фантазия архитектора, построившего это сооружение, была полностью раскрыта. В этом театре Василий так же не был. Рядом с ним находилась доска объявлений, на которой было написано представления, который должны проходить в те или иные числа. Одно из названия выступлений занимало центральную позицию среди всех остальных названий. Обведено оно было якобы золотой окантовкой. Видимо, это был эталон этого театра. Название этого выступления было «ТРАГЕДИЯ ВСЕЙ НАШЕЙ ЖИЗНИ». На этом постере были нарисованы так же всякие улыбающиеся маски, которые могут свидетельствовать о том, что это комедия. Мужчина медленно перевел взгляд на доску объявлений, так же медленно и как бы грустно улыбнулся. Надо сказать, мужчина этот произвел на Василия гнетущее впечатление, словно будь он знаком с этим человеком, он бы не давал ему форы.

Странных порой людей можно встретить на улице, – думал Василий. Странных и в то же время интересных. Порой любая странность человеку кажется интересной. Какое-то время Василий думал об этих личностях, но через какие-то несколько дней снова про них забыл, будто бы и не встречал вовсе.

1. Час дня

На улице стояла приятная, греющая не только тело но и душу, погода. Люди мерно прогуливались от одной точки до другой. Птички весело чирикали, напевая какие-то свои птичьи песни. Порой так хочется понять животных, понять их язык, понять, о чем они беспокоятся, о чем говорят, какие трудности их предостерегают... Но человек иного рода существо.

В квартире летала вечно жужжащая муха, залетевшая непонятно откуда: то ли из окна, то ли, ухитрившись и изловчившись, она попала через входную дверь. Полетав в зале, она не обнаружила ничего для себя интересного, полетав в прихожей – тоже. Кухня была для неё последней надеждой, но и тут её поджидала неудача: на столе ничего толкового и съедобного не было. Муха, видимо совсем отчаявшись, полетела снова в зал. Сначала она прилипла к люстре, потом на телевизор, а потом, заметив человека, она налипла на его щеку.

Человек этот мерно посапывал, иногда посвистывая носом. Рот был слегка приоткрыт, почти что все его тело было спрятано под одеялом, из-за чего своим видом он напоминал укутанную личинку. Одна его рука находилась рядом с щекой, другая же была под одеялом. Ноги немного торчали, как прутья. В квартире стояла мертвенная тишина, но вдруг –

хлопок! Удар пришелся по щеке, но не по мухе. Та, едва опомнившись, уклонилась.

Еле-еле разлепив глаза, Василий проснулся, взглянув на старенькие, пыльные, в некоторых местах поцарапанные электронные часы, на которых время было: час дня. Василий как всегда проснулся в час дня. Он и не понял, отчего хлопбыстнул себя по щеке, но спустя время заметил, что в комнате летала муха.

– От гадина! – сказал он. – И как вы сюда только прилетаете?

Муха, будто учуяв опасность, притаилась на оконной рамы, стараясь не высовываться.

Пролежав еще какое-то время на кровати с закрытыми глазами и вытянутыми руками, Василий наконец решил встать.

Ему захотелось есть.

Скинув с себя одеяло, он присел на край кровати, после чего лениво нацепил клетчатые тапки на свои ноги, и наконец встал и поплелся на кухню. На кухонном столе как всегда имелись различного вида крошки: не то хлебные, не то пойми какие; надкусанный кусок заплесневелого сыра и половинка засохшей хлебной булки. Видимо, эти крошки не представляли интересна даже для мухи. Отворив дверцу микроволновке, Василий обнаружил, что в ней находился бокал с уже холодной жидкостью, по цвету смутно напоминавшей кофе с молоком. Василий поставил бокал на стол.

Он громко зевнул и почесал макушку своей головы, вдруг ощутив легкий ожог на щеке. Почесав щеку, будто натирая её мазью, он проговорил:

– Ненавижу насекомых!

Василий заглянул в холодильник, в котором имелись: начатая бутылка пива, бутерброд неестественного цвета, который, очевидно, уже давно несъедобен, пару помидоров, находившихся на маленькой кругленькой тарелочке и некое подобие пиццы, превратившейся в какую-то разноцветную кашу. Все это было, конечно, не слишком аппетитным на вид. Он опечалился отсутствием нормальной еды, вследствие чего решил пойти присесть на диван и посмотреть телевизор.

Василий включил телеканал, повествующий о последних новостях.

– В последнее время растет уровень инфляции, – тараторила ведущая программы с надетым строгим синим пиджаком вкуче с белой рубашкой и собранными в пучок темными волосами. – Однако несмотря на это уровень экономики продолжает расти, – на экране показался какой-то график, на котором показатели шли вверх, – к другим новостям... – ведущая взяла небольшую стопку бумаг. – Вчера, 16 июля, прошла акция благотворительности «Помоги нуждающимся», нацеленная на помощь людям с ограниченными возможностями. Многие люди откликнулись на зов о помощи. Однако, если вы еще желаете помочь, то на экране вы увидите рекви-

зиты, на которые можно будет перечислить денежные средства, способные спасти большое количество жизней. Будьте добрее друг к другу и помогайте нуждающимся, – после этих слов ведущая назвала какие-то неизвестные Василию имена. Наверняка, это была команда, работающая над новостями.

– Благотворительность это хорошо, – проговорил Василий, выключая телевизор. – Но голод сам себя не утолит, нужно сходить в магазин.

У Василия был гардероб, однако он не использовал его из-за ненадобности, ибо все его вещи обычно валялись где угодно, но они точно не висели строго в гардеробе. Обычно все его вещи находились на кровати, а случилось и такое, что каким-то неведомым образом они оказывались на люстре. После долгих поисков, Василий наконец находил эти вещи, удивляясь тому, как они оказались на том или ином месте.

Он напялил на себя мятую рубашку в красную клеточку, джинсы и черную кепку, на которой красными буквами было написано «ДРУГ». Эту кепку подарил Василию друг, с которым он когда-то дружил будучи двенадцатилетнем мальчишкой. Василий ездил на лето в деревню к бабушке, куда и приезжал его друг. Там они вместе проводили время, лазая на различных заброшенных зданиях, катаясь на велосипедах, играя в футбол вдвоем а иногда и со случайными мальчишками из двора, купались на речке. Словом, Василий и его приятель весело и приятно проводили время. Как типичные мальчишки, чего они только не делали. Они были

очень подвижными.

– Вот, держи, с днем рождения! – сказал однажды друг Василию, когда у второго был день рождения. После этих слов приятель отдал ему какую-то вещь, которую тот держал за спиной. Это и была как раз та самая черная кепка с надписью «ДРУГ». Тогда Василий очень обрадовался подарку. По большей мере даже неизвестно, почему он обрадовался. Вроде бы подарок довольно простой, но чем-то он зацепил его. Возможно как раз своей простотой или же просто-напросто сыграла свою роль типичная детская наивная радость.

– Ого! Спасибо тебе большое, классный подарок! – улыбувшись, Василий напялил на себя кепку. – Ну, как я выгляжу?

– Во! – показал большой палец друг Василия, обнажая улыбку.

– Ну, пошли тогда за стол! – предложил Василий. – Там бабушка уже накрывает, такие вкусные пирожки наделала – пальчики оближешь, – Василий показал жест пальцами правой руки, который, очевидно, должен был убедить его друга попробовать пирожки.

После этого они наслаждались различными блюдами, что приготовила бабушка. Там были не только пирожки, но и мятая картошка, вкуснейшие мясные котлеты, газировка, нарезанный треугольничком черный хлеб и несколько других вкусностей.

– Наслаждайтесь, ребятки, – сказала бабушка двум мальчишкам, после чего удалилась, не желая стеснять их.

– Уф, это было очень вкусно, – сидел уже с набитым животом Василий после трапезы.

– Да, согласен, – подтвердил друг.

После этого они начали играть в шашки и различные другие настольные игры.

Вот и вся история получения этой памятной кепки, которую Василий носит и до сих пор. Казалось, эта кепка на века. Она ни разу и ни в одном месте не порвалась и не имела какого-либо дефекта. Эту единственную кепку он любил больше всего, хоть у него и не было других.

– Интересно, обрадовался ли бы я этой кепке будучи повзрослевшим? – раздумывал Василий.

После всех манипуляций он взял небольшую мятую пачку денег и отправился в путь.

2.Парк

После посещения продуктового магазина, Василий вернулся домой. В магазине он купил некоторое количество продуктов: консервированный горошек, батон белого хлеба, парочку сосисок, десяток куриных яиц и любимые печенья, что так хорошо шли к чаю.

Он отправился на кухню, накалил сковороду, и пожарил 3 яйца с сосисками.

– По-моему я отличный повар! – оценил свои кулинарные навыки Василий.

После употребления яичницы с сосисками и чаем, он решил глянуть, что показывают по телевизору.

По телевизору показывали какую-то передачу, в которой рассказывали про жизнь животных.

– На данный момент вы можете наблюдать типичное поведение льва, – вещал женский голос. Лев находился в неприличной позе, развалившись на жухлой траве, совершая непотребные действия со своим достоинством.

Василий откашлялся.

На другом же показывали какой-то, по мнению Василия, дешевый боевик: всюду пули, взрывы, мужчины с автоматами в руках, непонятные причины конфликтов между воюющими сторонами.

Желание смотреть телевизор вдруг резко спало и он, вы-

ключив его, решил прогуляться на свежем воздухе.

Василий решил пройтись по парку, по которому он часто гулял, размышляя о тех или иных вещах; или же не размышляя, а лишь наслаждаясь местными, хоть и часто наблюдаемыми, но ничуть от этого не надоевшими видами. Не слишком длинные и не слишком толстые деревья, чьи кроны мерно качались при легком дуновении ветерка, приятный зеленый газон, что находился в середине кругообразного парка, раздвоенная дорожка, одна часть которой принадлежала велосипедам и самокатам, а другая – пешеходам. Однако иногда люди не обращали на эти дорожки внимания, и шли как им вздумается; гуляющие родители с детишками дополняли идиллическую атмосферу; в парке стоял приятный природный запах, который позволял задуматься о чем-то отдаленном. Василию нравился этот парк. Ему казалось, что этот он его понимает, будто бы он его друг, который поддерживает в любой тяжбе.

Василий, сидя на лавочке, наблюдал за проходившими мимо людьми. Два друга которые о чем-то импульсивно разговаривали, взмахивая иногда руками кверху. Один парень был в синей майке, оранжевых подвернутых шортах и в кроссовках, другой же имел при себе темно-синие джинсы, с подвернутыми рукавами кофту и кроссовки. Далее шел парень с короткой прической, высоким ростом и худощавым телосложением. Парень шел с девушкой, которую держал за руку. Девушка была среднего роста, такого же среднего телосло-

жения, светлыми волосами и прямым носом. Парочка о чем-то мило беседовала. Вдруг послышалось легкое пение птиц. Василий так же заметил и двух бабушек, одна из которых немного качалась из стороны в сторону при ходьбе.

Василий вдруг призадумался: «Жизнь удивительная штука. Такая разнообразная. Хотя видел ли я её разновидности, все её грани? Жизнь, как мне кажется, слишком многогранна, слишком насыщенная, что бы увидеть все или хотя бы большую часть её разнообразных элементов. Да и вообще, что такое жизнь? Интересный вопрос, – подумал он с улыбкой. – Однако одно точно можно сказать – жизнью можно насыщаться по-всякому: кто-то читает книги или же смотрит фильмы, пытаясь извлечь что-то для себя, кто-то путешествует, кто-то пытается взобраться по карьерной лестнице максимально высоко, кто-то пытается достичь высот в точных науках, а кто-то, кому безразлично все выше перечисленное, лишь „прожигает“ свою молодость, а иногда и всю жизнь. Такие люди лишь рождаются и умирают, ничего не привнося в этот мир. А что такое мир? Тот ли мир, который мы ощущаем и есть тот самый мир? Все то, что мы видим каждый день? Но ведь не для всех мир такой какой он для нас. Для каких-нибудь букашек он совсем другой. Такой, который будет нам казаться совершенно чужеродным, странным, необъятным. Однако это мир букашек, не наш. Наш совсем иной. И что же получается, что мир у всех разный? Мир вроде бы вот он, никакого другого и быть не мо-

жет. Однако ж получается, что может. У каждого свой мир, свой видение одного и того же предмета, который воспринимается людьми и букашками по-разному. Мир – интересная штука, как и жизнь.»

– Мир. – Василий медленно проговорил это слово, словно пробуя его на вкус.

– Что? – послышался рядом женский голос. Василий и не заметил, как к нему подседа девушка, которая держала в руках книгу.

– Да я... размышлял тут... вот и всего, – будто не зная что ответить, проямлил Василий. – Кстати привет.

– Привет, – девушка легонько улыбнулась. Надо признать, что у неё была довольно приятная внешность: темные волнистые волосы, тоненький носик с узкими ноздрями, выпуклые щеки с высокими скулами. Девушка достала прямоугольные очки с черной оправой и продолжила читать.

– Что-то интересное? – спросил Василий.

– Да не то что бы... – ответила девушка, – Какой-то детектив. Мне его знакомая посоветовала, такая безвкусица.

– Зачем тогда читаете?

– Читать полезно. К тому же я с детства приучилась читать книги. Хотя тут вы правы, книга слишком бездарная, каких поискать следует. Дрянной вкус у моей знакомой, – снова показала улыбку девушка, после чего выкинула книгу в мусорку.

– Не жалко книгу?

– С чего бы? Она бесполезная, от таких нужно избавляться. Сами-то что любите читать? – взглянула девушка на Василия.

– Всякое. Фантастику, например, или утопии, антиутопии, иногда, но редко – историческую литературу. В общем, всего по чуть-чуть, что интересно, то и читаю, – пожал плечами Василий.

– Мне тоже фантастика нравится. Пофантазировать, что будет в будущем интересно и занимательно, а читать про то, что нафантазировали другие – еще занимательнее, если это, конечно, не переходит в бред сумасшедшего, согласны?

– А что лучше: бред сумасшедшего или детективы, которые нравятся вашей подруге?

Девушка посмеялась.

– Даже и не знаю, одно не лучше другого. Слушайте, вы ведь даже не сказали, как вас зовут.

– Василий.

– Очень приятно, Василий.

– Ну а вас?

– Давайте это останется тайной? – замялась девушка.

– Ну, мне же нужно как-то к вам обращаться, – сказал Василий. – К тому же свое имя я вам сказал, не плохо бы ответить взаимностью.

– Пускай тогда я буду Кана. Просто Кана.

– Ну хорошо, просто Кана, рад познакомиться. И все же, почему вы решили оставить свое имя в тайне?

– Ну, я вас пока что плохо знаю, поэтому решила не говорить.

– Интересно... А вы так со всеми людьми?

– Только с теми, кого вижу впервые. Хотя погодите... – Девушка сняла очки и прищурилась. – Вы мне кажетесь подозрительно знакомым человеком. Я вас раньше где-то видела? – спросила она, чуть оттянув голову и надев очки обратно.

– Хм... – задумался Василий, почесывая щетинистый подбородок. – Если честно, вас я не помню... Да, вроде бы ни разу не видел. Впервые. А вы?.. Помните меня?

– Не знаю, – улыбнулась Кана. – Может и помню, а может и нет. Трудно сказать. Но да ладно, давайте сменим тему.

Пожав плечами, Василий спросил:

– И много людей узнало ваше настоящее имя?

– Нет, не много, – покачала головой Кана. Её волнистые волосы мягко дрогнули.

– Как вы думаете, есть ли у меня шанс?

– У всех есть, – улыбнулась Кана. – Все зависит лишь от нас, от нашего желания и стремления.

– Любите говорить загадками?

– А что, видно?

– Что-то похожее проглядывается, да.

Взору Василий бросилась женская улыбка. Снова молчание.

– И все же, что это за тайны такие? Почему вы скрываете

свое имя от незнакомцев?

– Скажем так... – Кана слегка призадумалась, отведя голову в сторону. – Это мои личные взгляды и я не очень понимаю людей, которые говорят свое настоящее имя незнакомцам. По крайней мере таких людей, как я. Для меня это чуждо. Я говорю свое имя только настоящим друзьям, в которых я уверена на сто процентов, никак иначе. А для этого должно пройти порядочное количество времени.

– Таких людей как вы? Это каких же?

– Скажем так... Перетерпевших некоторые потрясения в жизни. Переживших, если не апофеоз неприятностей, то что-то похожее, близкое к этому по значению.

– Хм. – задумался Василий. – Вы пережили много бед?

– Достаточное их количество, чтобы опустить руки...

– И вы опустили? – спросил Василий, глянув краем глаза на Кану.

– Старалась не опускать, – ответила она, потирая очки двумя пальцами. – И вроде бы не опустила.

– Что придавало вам сил?

– Слушайте, это долгая история, давайте я вам расскажу её в другой раз, при случае? – Было видно, что Кане говорить об этом не слишком приятно. «Наверно, не хочется открываться какому-то доходяге, – думал Василий. – Оно и понятно, не нужно мне открываться. Кто я такой вообще, чтобы такие вопросы задавать?»

– Ну хорошо, – ответил он. – Я не настаиваю.

Кана кивнула, не то ответив таким образом на слова Василия, не то утвердившись в каких-то своих раздумьях.

– А что сподвигло вас на это? – не унимался Василий. – На то, чтобы не говорить свое имя случайным людям.

Кана задумалась на какой-то промежуток времени:

– Трудно объяснить. Давайте я постараюсь сформулировать ответ и дать его позже.

– Хорошо.

Какое-то время Василий и Кана лишь молча сидели на лавочке, наслаждаясь погодой. Голубоватые облака, словно нанесенные кистью художника, мирно проплывали по бездонному небу, которому, казалось, нет конца, листья деревьев легонько шелестели, словно боясь кого-то побеспокоить, солнце приятно светило теплыми лучами. На дорожке не поодаль пробегало два парня.

– Классная у тебя кепка, – сказала Кана.

– Мы уже перешли на «ты»? – спросил Василий улыбнувшись.

– А ты против?

– Нет... Что ты, совсем наоборот. Мне нравится. А кепка да, – Василий снял кепку и посмотрел на неё оценивающим взглядом, – классная, с детства ношу. Мне её как-то друг подарил на день рождения, когда я еще был двенадцатилетнем пареньком.

– И ты с этой кепкой так давно не расстаешься?

– Ну, вообще да. Люблю её, не знаю даже почему. Вроде

и простая на вид, ничего приметного, но что-то в ней есть. И это что-то притягивает меня и заслуживает мою любовь.

– Хорошо сказано.

– Спасибо. А у тебя как, со зрением хорошо? – спросил Василий, наблюдая, как Кана снимает очки.

– Да, у меня все в порядке со зрением – ответила она. – Просто надеваю очки ради красоты. Нравятся они мне. Почти также, как и твоя кепка тебе.

Василий слегка улыбнулся.

– Классные очки, – подметил он.

– Спасибо.

И снова минута задумчивого молчания.

– Слушай, ты никогда не задумывался о том, что люди иногда не делают того, что хотят сделать? – начала Кана.

– То есть? – не понял вопроса Василий.

– Ну, люди говорят, что надо сделать то, надо сделать се. «Надо похудеть, надо заняться самообразованием, надо на этих выходных съездить к родителям, надо пойти работать», – будто процитировала многих людей Кана. – Люди лишь говорят, что в течении какого-то определенного или неопределенного времени им что-то необходимо сделать, заняться чем-то полезным, в общем тем, что они давно планировали и планируют, но никак не могут сделать. Вот у меня подруга была... Ну, как подруга, так, знакомая, но другая знакомая, общаться толком не общались. Все рассказывала и рассказывала, как она хотела на остров один слетать. Го-

ворит: “ Остров! Очень мне нравится этот остров. А какое там солнце!.. А чего только стоят эти лазурные воды! Эх... Я обязательно когда-нибудь, рано или поздно побываю в этих местах. Когда-нибудь точно...» Ну а в итоге всю свою жизнь проработала клерком. И работает до сих пор. Едва сводит концы с концами... А у неё на шеё два ребенка. И куда, спрашивается, рожала только. Любит их, говорит, и что дети – цветы жизни. – Посмеялась отрывисто Кана. – Нет, ну представляешь? Цветы жизни! Это ж надо до такого додуматься!

– Людям иногда не хватает силы воли, – Василий пожал плечами как бы невзначай.

– Причины наверняка разные, – Кана опять впала в короткое раздумье. – Да, пожалуй, многие просто слабы силой воли, ну или на их пути вдруг встает какая-то преграда, которую они никак не могут пересечь. Это могут быть проблемы со здоровьем, проблемы в отношениях, или же просто куча нахлынувших дел, из-за которых приходится все откладывать на потом. Моей знакомой как раз-таки наверно силы воли и не хватило.

– А иногда люди просто ленивы. Страшно ленивы.

– Ну да. Но ведь есть разные люди, так?

– Так.

– И у всех свои заботы... Вон, как у знакомой-то: дети да и только. – Мечтательно посмотрела она на небо, а потом и на Василия. Только сейчас он заметил, что глаза Каны имели необычный бирюзовый окрас, словно бездонное, чистей-

шее озеро, отсвечивающее взгляд. Глаза Каны очень понравились Василию. Он не мог оторвать свой взгляд от них. Они были чертовски красивы и глубоки.

– Эй, ты чего так застыл? – спросила девушка.

– Задумался, – ответил Василий очнувшись.

– О чем?

– Да... О всяком.

– Поделись?

– Даже не знаю, о чем.

– Не знаешь, о чем ты думал? – нахмурившись спросила девушка.

– Да, у меня такое бывает.

– Забавно...

– Ага, очень.

– Ладно, мне пора идти, – сказала Кана, вставая с лавочки. – Пока, Василий.

– Пока, – сказал Василий, уже и не надеявшись встретиться с ней.

– Слушай, ты приходи в этот парк, поболтаем. Я здесь периодически бываю с двенадцати часов дня.

– С радостью, – обнажил Василий улыбку.

3. Пицца для ума

Василий проснулся в час дня. Сначала зажмурившись, а после разинув глаза, он сел на краю кровати. Посидев так какие-нибудь минут 10, он отправился на кухню завтракать.

За чашкой кофе он вдруг вспомнил свое детство. О своей тетушке, которая была очень к нему добра и щедра. Нередко она могла ему выдать целую горсть леденцов или шоколадных конфет. Покупала она ему и чипсы, и сухарики. Забирая его с сада покупала газировку или квас. Летом холодный квас самое то. Василий тогда любил квас, но сейчас он больше всего предпочитает кофе. Как-то и сам не заметил тот момент, как пересел на другой напиток.

Прожевывая медленно и монотонно бутерброд, Василий, хмурясь, вспоминал, как весело и задорно проводил свое детство на улице.

Впрочем, то было детство. Сейчас же это всего лишь воспоминания, дающие иногда улыбку, иногда повод задуматься, насколько в детстве некоторые беспечны, и могут завести себя в такие дебри, что выйти оказывается очень трудно.

И у Василия был как минимум один такой случай. В один прекрасный день он с тем самым другом, который подарил ему кепку, решил съездить на речку на велосипеде. И ничего не предвещало беды, но вот они с другом разогнались на спуске, и Василий, не заметив ямку, попадет в неё, теря-

ет управление и падает. Друг, несясь на большой скорости и не сразу заметив, что Василий упал, несется прямо на него. Он начинает резко тормозить и перелетает через руль, и падает прямо на него! Велосипед же его задним колесом угодил прямо по ним. Неимоверно больно было обоим. У друга ободрались все руки, онемел один палец, и он чуть не сломал палец на ноги. Василию же повезло меньше... Он получил аж два перелома. Неизвестно, как так получилось: то ли из-за того, что он пытался удерживать руль (когда тот начал кидаться из стороны в сторону), и упал как раз рукой на землю, то ли из-за того, что на него шлепнулся друг. Но он к тому же сломал еще и ногу. Для него это было вообще нонсенсом.

Впрочем, то было детство...

Василий позавтракал, оделся, и отправился в путь, в парк. Точное время он уже не помнил, но когда он одевался, было около часа дня.

На улице стояла теплая, сдержанная погода. Людей на улицах, как и в парке, не сказать, что было много.

Сначала Василий Кану не заметил, но пройдя 3 раза вокруг парка, на лавочке появилась знакомая фигура.

Она снова задумчиво читала какую-то книгу. Обложка была неприметная и скромная, но симпатичная. Она сидела в свободном белом платье, в белых сандалиях, так же в очках. Перекинув ногу за ногу и поставив голову на руку, таким образом напоминая согнутый столб, она сидела неподвижно, лишь двигая глазами от строки к строке, от предло-

жения к предложению. Иногда хмурила брови, иногда замедляла движение глаз, а потом снова ускоряла. В этот момент из-за хмурого неба выглянуло солнышко, из-за чего лучи его падали сквозь ветки деревьев на Кану таким образом, что казалось, будто сами небеса освещают её, таким образом говоря, что это особенный человек. Непростой. Будто бы знающий больше среднестатистического человека и мудрее его.

Так или иначе, Василий подошел к ней.

Первой заговорила она, плавно, но шустро отложив книгу и кинув взгляд на Василия.

– Ты пришел все-таки? – улыбнулась она.

– Еще бы, – кинул он, присаживаясь на лавку. – Что читаешь?

– Довольно неплохую книгу. Одного... юного философа.

– Почему юного?

– Ну, как тебе сказать... Как мне кажется, в философии он не совсем хорош в том плане, что есть писатели куда мудрее его.

– Ну, такие, я думаю, всегда есть, разве нет? – Василий глянул на Кану.

– погоди, я не договорила, – Кана вильнула рукой и мечтательно глянула на деревья. – С тем, что всегда найдутся люди куда мудрее тебя я не совсем согласна, но об этом потом. Касательно писателя... Знаешь, он будто бы открывает примитивные вещи, которые все давно уже открыли, и только он восклицает: «Ох! Представляете?» Такое чувство, буд-

то он один такое гений на всей нашей планете. Будто бы не вырос из своих каких-то максималистских представлений. В общем, не буду тебя запутывать. Юный этот писатель еще, юный. Но спросишь: зачем тогда я его читаю? Хоть он и юный, но, надо признать, умные вещи сказать умеет, и иногда его фразы действительно хороши.

– Я и не ожидал услышать такую рецензию от тебя.

– Бывает порой, – Кана повела головой так, как водят высокоинтеллектуальные люди, когда очень остроумно отвечают на заданные вопросы, довольствуясь своим ответом. И в то же время она была проста и незамысловата в общении. Проста, как камень. Но в камне в этом таится что-то умное и прогрессивное, явно с немалой силой воли и не бесхребетным характером.

– Кажется, ты еще хотела что-то сказать про мудрых людей.

– Да. Вот говорят: всегда найдется человек умнее тебя. Ну, а если, предположим, ты бог? – улыбнулась Кана. – Я понимаю, что это что-то вон выходящее, но предположим? Выходит, фраза это не до конца умна. Впрочем, может ты человек, который больше всех потратил часов на то или иное дело. И тогда вопрос: если кто-то умнее тебя? Может, это как-раз таки бог? – Кана совсем стала похожа на философа. И совсем не на юного... – Можно ли сказать, что эта фраза связана с чем-то высоким, с чем-то, что люди не могут постичь? – Кана задержала взгляд на чем-то абстрактном, буд-

то бы представляя, как её мысли будут выглядеть в живую, среди людей. И снова лицо её пришло в оживленное движение. – Конечно, нет. Просто мне кажется, что фраза эта... Ну, скажем так, слишком поверхностная.

Василий внимательно выслушивал каждое её слово, буд-то бы в голове расщепляя её фразы на атомы.

– Хм... Казалось бы, я просто спросил про книгу.

– Да, – улыбнулась она, – заносит порой, согласна.

– Да нет, что ты, продолжай. Хоть с кем-то пообщаюсь.

– А есть недостаток в этом? – она глянула на его лицо.

– Ну, просто я тоже частенько думаю.

– О чем? – девушка, очевидно, по-настоящему заинтересовалась.

– Да о всем и в то же время ни о чем существенном, – почесал он затылок. – Так, хаотичные мыслишки. Хотя бывает иногда знаешь как, хочешь подумать, а не о чем... Сразу так грустно становится.

– Ну, можно лишь сказать, что в жизни нужно быть конкретным, иначе тебя никто не пойме-ё-ё-т, – Кана стала внезапно серьезной. Теперь она была похожа на какого-то политика.

– То есть? – уточнил Василий.

Кана вздохнула, набрала воздуха в легкие, и сказала:

– Разве можно быть в нашей жизни абстрактным? Конечно, в абстракции видеть нашу жизнь проще, так виднее каждая деталька нашего мироздания, но нужно быть конкрет-

ным, я считаю. И в этом я убедилась на опыте.

– Наверно ты права, – Василий повел плечами. – Опыт дает многое. Опыт дает убеждение в тех или иных вопросах.

– Именно. Опыт – пожалуй, самый важный ресурс в нашей жизни. И зависит только от тебя то, как ты им распоряжаешься: рационально или же нет. Кто-то вообще этот опыт не замечает. А другой же собирает нежно, тщательно и внимательно, обходятся прямо как с алмазом.

– А как же эмоции?

– Эмоции это приходящее. Это тоже важно, но без опыта ты никуда не поедешь, – она отрицательно помахала руками. – Благодаря опыту ты как раз-таки получишь эмоции. Или в ходе получения этого опыта.

– Ну да...

Кана и Василий еще долго болтали о тех или иных вещах. О мироздании, о книгах, о том, как правильно нужно готовить какие-то блюда.

Василию казалось, что они очень хорошо сдружились за один единственный день. Надолго ли это? Непонятно. Но сейчас вдруг у них зашел разговор про жизнь Каны. Она задумалась, переминаясь с одного взгляда на другой, будто расценивая Василия. Только вот непонятно, что она расценивала.

– О чем задумалась?

– Да вот думаю... Ты точно хочешь услышать?

– Ну да, почему бы и нет?

– Это долгая история, – она сощурила глаза и посмотрела на небо. – Может, тебе станет скучно и начнешь жалеть, что согласился.

– Как бы то ни было, сейчас я хочу услышать.

– Уверен?

– Уверен, – кивнул Василий.

– Но там много рассказывать, за один раз вряд ли управлюсь.

– Ничего, я никуда не спешу, а ты?

– Да в принципе тоже нет. По крайней мере сейчас.

– Ну тогда давай.

Кана вдохнула, задержалась так, с наполненными легкими, и выдохнула.

– Ну ладно, давай расскажу.

4. Девушка, добившаяся успехов

Я была неказистой, неприметной, можно даже сказать, никчемной девушкой, которая что и любила делать, так это читать книги. Я носила очки с самого детства. Тогда это было обоснованно, потому что у меня были проблемы со зрением. Сейчас, спустя время, могу сказать, что со зрением все хорошо, чего не скажешь о другом...

У меня так же были проблемы с телосложением. Какое-то время я была очень худым ребёнком. В школе меня все дразнили и обзывали «кривой ботаникой», или чем похуже. Почему кривой? Потому что если посмотреть со стороны, то могло показаться, что мое тело кривое. В общем всякие имена придумывали. Конечно же, они были неприятными. Это еще мягко говоря. В лучшем случае меня обзовут так, или, скажем, душой. Но бывали обзывательства и побольнее... Но родители обещали мне, что это временно, моя худоба. И они сдержали слово. С каждым месяцем уход моей худобы был все ближе и ближе, и в конце концов, по чуть-чуть я начала набирать вес. Благо, родители хорошо кормили и следили за моим весом. Было тяжело, скажу честно, ведь иногда меня заставляли есть чуть ли не по несколько порций за раз. Нужно сказать, что это не решило всех проблем... Ну, хотя бы я теперь перестала быть слишком худой, и поводов для обзывательств, связанных с маленьким весом, стало гораздо

меньше, если вообще остались таковые. Да и в целом я стала чувствовать себя гораздо лучше и свежее. В общем, так или иначе, проблем после этого под убавилось, однако, не сказать, что это сделало мою жизнь легкой, как у кисейной барышни.

В школе были по-прежнему оскорбления, ущемление, иногда даже попытка навалить мне... За что? Да поди, спроси этих агрессивных детей! Сейчас они уже не дети, но тогда были. Были злыми детьми. И знаешь, я вот, будучи взрослой все думаю, откуда у детей столько злости? Неужели они повидали столько гадости, чтобы друг друга так ненавидеть и лупасить? Не понимаю... «Дети это же милые создания!» – говорили мне в уже осознанном возрасте. Ага, милые, как же... Это тогда я ничего не понимала, а сейчас я вижу этих мамочек насквозь, ходят себе с сигаретками в одной руке, а в другой телефон. И идут, кое-как катят коляску. Как они дальше вообще жить собираются? Не представляю...

Впрочем, не об этих мамочках речь идет.

В школе я постоянно подвергалась нападкам. Даже не понимаю почему... То ли стрелка судьбы так упала, то ли я была для них настолько другой, что они решили, что я из другого мира, то ли еще что... Не знаю, но я точно понимала, что я с этого же мира, с этого же города, с этой же школы, с этого же класса... Я не понимала, просто не понимала за что... Почему меня так травили. Нет, конечно, если судить по кличкам, которые летели в мой адрес, понятно поче-

му... Я казалась другим чересчур умной, хотя я просто любила читать книги, вот и все. Ну да, я носила очки, ну да, я была какое-то время слишком худой, но что в этом такого? Я ведь никому зла не желала.

В общем надо сказать, что всю мою жизнь, сколько я себя помню, меня преследовали одни неудачи, но, забегая наперед, скажу, что все-таки вопреки всем, я добилась какого-никакого успеха. Сама себя порой не узнаю.

Скажу тебе по секрету, я хотела стать бизнес-вумен. Странно такое слышать от девушки, которая все свое детство и юность провела за книгами, не так ли? Правда к этому я пришла не сразу, и на моем пути стояло немало преград.

Итак, по порядку.

После того, как я окончила школу, я пошла учиться в универ на экономиста. Поверишь ли? Опять же, вспоминая это, у самой в голове не укладывается. Но хоть я и была человеком, который глотал книги за день, но я не была отличницей. Да, я училась неплохо, но не идеально. Знала хорошо только те предметы, которые мне нужны были для поступления в универ. И, опять же, много странностей... Но математику я знала посредственно. Да, считала хорошо, да, имела хорошую оценку, и в целом училась по математике неплохо, но знания у меня были по большей степени поверхностные. Просто в случае с математикой сыграл тот фактор, что её вела понимающая меня учительница, которая относилась ко мне очень хорошо и даже с некоторой щепоткой

заботы. В принципе она ко всем ученикам из моего класса относилась с пониманием и с должным подходом. Я видела, как тяжело это ей давалось, однако, как мне казалось, для учительницы эти труды окупались. Сидя на уроке, к нам время от времени приходили ей бывшие ученики, которые благодарили её за пройденные вместе годы учебы. Это была искренняя благодарность, сейчас я понимаю это сполна. Но к сожалению, не со всеми учителями мне так повезло. Были и такие, которые подобно агрессивным львам, с которыми я могу сравнить тех моих одноклассников, тоже пытались меня каким-то образом задеть, подцепить, знаешь, как какую-то рыбу крючком. Поймать и лишит меня воды. Понимаешь? Они хотели, чтобы я страдала. Наверно, так. Даже сейчас я не до конца понимаю. Вернее сказать, едва ли понимаю. Придя на урок, они меня спрашивали первой, задавали больше вопросов, чем остальным. Вопросы эти были сложнее, ответы на них неизвестно где нужно было искать. Ну, то есть, вроде бы нужно самому как-то импровизировать, но за эту импровизацию меня костерили и ставили плохую оценку, при этом не забывая сказать какое-нибудь обидное словечко напоследок. Конечно, я плакала, жаловалась родителям, они всеми силами пытались меня успокоить, иногда даже было больно до такой степени, что, рассказав родителям, как меня унижают, они приходили в школу и пытались разобраться с недобросовестными учителями. Иногда после этого некоторые учителя стали держать себя в уз-

де и относиться ко мне нейтрально, по крайней мере наравне со среднестатистическими учениками. По крайней мере, мне так казалось, за спиной-то они могли продолжать смеяться надо мной, считая дурочкой, словно бы что-то строившей из себя. Конечно же, я ничего не строила. Я просто мечтала... Была мечтателем в свое время. Но мои любимые в кавычках одноклассники пытались всячески препятствовать моим мечтаниям, пытаюсь напомнить, какая же я ничемная и не такая как они. Хотя в тот же миг, попробуй ударь их – убегут и заплачут! Такие вот были обидчики... Ну, а остальная часть учителей, относилась ко мне нейтрально, как к обычному ученику. Без потакания, но и без унижений. Они будто б и не замечали того, как ко мне относятся другие. Они и не вмешивались. Порой это лучшая помощь. Хотя бы не добавлялись к числу обидчиков, и на том спасибо... Спросишь почему не жаловалась директору? Жаловалась, как же... Директор приходил, ругался при мне на грубиянов, но в тот же миг, в своем кабинете он говорил им: просто не приставайте к ней, да, она, может быть, не такая как вы, но школе лишние проблемы не нужны, ясно? Да и вашим родителям тоже, думаю, не нужны. Поэтому делайте что хотите, но только хотя бы не при ней. Я это говорю не придумывая. Просто однажды подслушала за дверью. И в тот момент мне стало еще больнее... Больнее от того, что, казалось, весь мир тебя не понимает, считает другой, какой-то прокаженной, хотя ты такой же человек как и все, с двумя ногами,

с двумя руками, с одной головой и таким же мозгом. Было больно, очень больно... Конечно, мне было очень, невыносимо тяжело.

Но было кое-что, что хоть как-то держало меня на плаву. Это мои родители, и это моя мечта. Если ты не забыл, я хотел стать бизнес-вумен.

У меня даже были друзья. Ну, или по больше степени это были не друзья а змеюки и кровопийцы, которые строили мне добрые рожи, а за спиной нещадно смеялись... Была одна подружка, с которой я хоть какое-то продолжительное время дружила, но и она оказалась Брутом... Постепенно-постепенно, но со временем она все больше и больше общалась с теми, кто был против меня, и, сначала легонько как бы невзначай посмеиваясь надо мной, потом она встала на их сторону. Мне казалось тогда, что лучше вообще друзей не заводить, да и сейчас мне трудно заводить какие-либо знакомства. Напоровшись на одни грабли, трудно потом поверить, что другие грабли не нанесут тебе вред.

Но была и светлая полоса в моей серой жизни. Там, где я в детстве жила, не сказать, что было много увлечений, но если у тебя был хотя бы велосипед, это уже успех. К тому же кататься в одиночестве я уже тогда привыкла. Но в одно время я познакомилась с двумя ребятами. Это были родные брат и сестра. На каникулах они приезжали к бабушке с дедушкой отдыхать. Им было не с кем гулять, но так случилось, что они познакомились со мной, после чего мы начали дружить.

Случилось это так.

Как-то раз прогуливаясь летом на улице, я заметила их, брата и сестру, мило беседующих, и в то же время яростно спорящих друг с другом. Наверное, нам тогда было лет по двенадцать или четырнадцать. Кажется, они не могли что-то поделить. То ли упаковку чипсов, то ли что-то такое. Ну, они постоянно ссорились по всякой мелочи. Как ты мог догадаться, из-за всего, что мне удалось пережить за детство, я стала замкнутой девочкой, но тот был другой случай. Не знаю даже что, но что-то меня дернуло к ним подойти и спросить:

– А что вы никак не можете поделить?

Они, чуть ли дернувшись от вопроса неизвестной, медленно повернули головы в мою сторону, и сказали:

– Да вот она не хочет чипсы мои отдавать! – начал брат.

– Твои? Вообще-то куплены на мои деньги! – возразила сестра.

– Ага, а ты забыла, что ты мне за мороженое должна? Я вот все помню...

– И что? Ты сам сказал, что потом могу отдать. К тому же чипсы стоят дороже!

И снова ор, снова крики, снова споры... Тут я им сказала:

– Не можете решить спор? Скиньтесь на камень-ножницы-бумага.

Они, смекнув, почесали головы, пожали плечами и скинулись. Победил брат. Но вот одна из странностей. Победил

он, но не слишком радуясь победе, он сказал сестре:

– Ладно, давай пополам съедим чипсы.

– Давай, – согласилась та, уже надувая щеки.

И они стали вместе есть эти чипсы. «Сразу нельзя было так поступить?» – подумала тогда я.

– Будешь? – предложила сестра мне чипсов. Я никак не ожидала такого предложения. Я помялась, поколебалась, и ответила:

– Наверное... нет.

– Ладно, не стесняйся, – добавил брат, поднося пачку к моим рукам.

Ну и в общем-то мы как-то разговорились, прогулялись немножко, нашли общий язык. Вообще я шла в магазин, из которого они как раз вышли, чтобы купить сливочное масло, молоко, муку, помидоров и себе мороженое. Ни того, ни этого я не приобрела – забыла! Пришла домой с пустыми руками, мама, пославшая меня в магазин, разведя руками, сказала:

– Не поняла...

– Ну, так получилось, мам, – виновато улыбнулась я. – Могу сходить в другой магазин, а то этот уже закрылся.

Мама, покачав разочарованно головой и вздохнув, сказала:

– Иди, а то тогда блинов мы не испекём.

– О, а сегодня на ужин у нас блины? – заинтригованно спросила я.

– Угу, – промычала мама.

– Это хорошо... Сейчас я, мигом.

Ну, конечно, хоть я и не сразу приобрела продукты, но зато встретила будущих друзей, с которыми, если говорить прямо, долго дружила, но ведь ты помнишь, что в моей жизни ничто не идет гладко? Случилось одно «но», скажем так.

Брата, как оказалось, звали Виктор, а сестру – Лерой. Лера была девочкой с каштановыми волосами с прической каре, лицо у неё было круглых форм, нос коротенький, тело её было не толстым, ни чересчур худым, как у меня, а, скорее даже стройным. Виктор же был пареньком с темными щетинистыми волосами, со средней комплектацией. Тоже не толстый, не худой, обычный мальчишка. Все лето, да в принципе все каникулы мы проводили вместе, в компании трех человек, катаясь на велосипедах, посещая речку, небольшой парк в моем городе и различные другие места. В свое время мы весь мой небольшой город обследовали. И даже чуточку больше. Словом – чего мы только не творили. И красками на заборах рисовали, и трюки на велосипедах делали, и врезались в друг друга на этих самых велосипедах, и падали, и получали травмы, шрамы. И играли с другими ребятами во всякие игры навроде догонялок. В общем, мы весело и приятно проводили время. Как-то так получилось, что мы очень быстро сдружились, прям удивительно быстро. Сначала я боялась, что они также меня забудут и начнут надо мной смеяться, но, кажется, они вообще ничего необычного

во мне не видели. Общались как ни в чем не бывало. А я даже и спрашивать про себя не хотела, но однажды, сидя только с Лерой на лавочке вечером, я спросила у неё:

– Слушай... я вам не мешаю?

– В смысле? – не поняла она. – Что значит мешаешь?

– Ну, может у вас там другие друзья есть, а я для вас как преграда.

Лера посмеялась, сказала:

– Ох и глупышка. Ну какие друзья-то? Там, где мы живем – да, есть друзья, и то не очень. Хуже тебя. Ну а тут тем более. Здесь у нас нет никого, кроме тебя. Раньше мы помирились со скуки, хоть и любили приезжать к бабушке с дедушкой. Но не с кем было гулять, а сейчас хорошо, есть у нас ты.

– То есть вам со мной хорошо?

– Да! Если бы не было хорошо, разве мы бы дружили с тобой? Ты наш лучший и единственный друг.

Замолчав не какие-то секунд двадцать, кинувшись в размышления, я сказала:

– Что, прям никого? Только я одна? Лучший друг?

– Ну конечно, – улыбнулась Лера. – Без тебя нам было бы о-о-о-очень скучно.

И вот тогда... Наверно, это был очень важный момент в моей жизни – я почувствовала, что кому-то нужна, что для кого-то я не ботаничка, не очкарик, не дура, не выскочка, а просто лучший друг. Не представляешь, как мне тогда было хорошо, в меня словно вдохнули жизнь, знаешь, вот как

весной зелень появляется, словно возродившись, так и я тогда, возродилась, почувствовала себя зеленью что ли. Знаешь, которая будто бы после спячки вылезла и решила наконец погреться на солнышке, на лучиках душистых. Вот так вот... Прекрасное время было. Самое лучшее время наверное. Это были мои лучшие и единственные друзья. Если и случались какие-нибудь ссоры между нами, то они длились недолго, либо же имели шуточный и кратковременный эффект. Словом, можно сказать, мы и не ссорились вовсе. Друзья навеки, – тогда думала я.

Но опять же, если бы все было так просто...

Однажды ближе к концу летом они мне сообщили следующее.

– Привет, Кан... – грустно сказала Лера. Виктор в это время молчал. Его лицо выглядело угрюмо, хотя обычно он игривый и веселый. Я сразу заприметила, что что-то здесь не так, словно чувствуя, что их подменили.

Обнявшись с ними, мы пошли гулять. Надо сказать, что в тот момент, когда мы только начали прогулку, погода стояла неплохая, теплая, согревающая. Тогда нам уже было лет по 16—17. Были уже достаточно взрослыми.

– Как в школе? – спросил Виктор. Надо признать, что когда мы только познакомились, он был таким, ну, не сказать, что мощным пареньком, сейчас же он подросток, стал более мужественным, голос его приобрел какую-то басовитость. Однако не всегда его тело вязалось с его поведением. Он казал-

ся взрослым, но он по-прежнему дурачился, как дитя.

– Да как сказать... – вздохнув ответила я. – Не сказать, что плохо, но и не радуюсь жизни каждые пять минут. Вкратце – нормально.

– Не глумятся больше? – спросила Лера.

– Если и глумятся, то меня это не цепляет. Просто хочу поскорее выпуститься из школы и пойти в свободное плавание.

– Мм, – пробурчал Виктор. – Решила все-таки на экономиста идти?

– Да, наверное. А на кого еще?

– Ну, ты вроде хотела еще на филолога.

– Ну, путем размышлений и анализа я пришла к тому, что филолог не мое. А если говорить конкретно, то в этом деле я полный ноль. Да, я люблю читать книги, люблю порой поизучать культуру, историю нашей страны, но это не мое. Все это скорее любительское, не знаю как обозначить... Просто небольшое хобби для души, но профессию из этого никак не хочется делать. Я экономист и все тут. Не хочу занимать ячейки, которые могут занять более талантливые люди.

– Веришь в талант? – спросил Виктор, который словно бы выскочил из своих раздумий и решил навестить наш разговор.

– Хороший вопрос... – задумалась я. – Если честно, не знаю, ведь я не творческий человек, потому не могу сказать, как у них там все устроено. Если бы была, скажем,

музыкантом, поэтессой, или, может, режиссером какого-нибудь фильма, то наверное ответила бы. А так... Не знаю.

– Но разве можно таланту научить? – словно не обращая внимания на мой вопрос, размышлял Виктор. Да, интересный он человек. Любит дурачиться, и с виду может показаться человеком недалеким, но как вдруг задумается о чем-нибудь эдаком, высоком, то все, держите его семеро, рассуждения его могут очень далеко зайти. Он прямо-таки философом каким-то становится. – Мне кажется, талант если и существует, то он спрятан где-то внутри, в самых наших глубинах. И ты даже можешь не знать, что эти глубины существуют, что к ним есть вход какой-то. Мне кажется, многие люди оттого и несчастливы, что не могут эти глубины разыскать. Везет тем, – вздыхая продолжал он, – кто эти самые глубины нашел. По счастливой случайности или же долгим и мучительным поискам. Хотя знаете, мне кажется, все-таки таланта не существует, – сморщился он. – Это все бред какой-то. Ну если только талант понимать как предрасположенность к чему-то. В этом смысле да, он существует. Но... – снова вздохнул он. – Не знаю.

Лера вдруг тоже задумалась, задержав свой взгляд на своих ногах.

– Ничего себе ты загнул... – сказала я. – Может, тебе писателем стать? Будешь там на всякие темы выдавать свои мысли.

– Какой писатель?! – посмеялся Виктор. – Писатель...

Ага, скажешь тоже... Я иной раз забываю где мои носки, а тут писатель, – по-актерски он вскинул руки кверху.

– Короче говоря, филологом уже не хочешь стать? – спросил Виктор.

Я отрицательно покачала головой.

– Хочешь все-таки в бизнес податься?

– Ну да. Разъезжать на шикарной красной машине, длинной машине. Ходить в изящных красивых костюмах, возможно, иметь успех у мужчин, но это не обязательно, это не самая важная цель. Приезжать на этой машине в свою фирму, где трудится куча совестливых и амбициозных ребят на благо фирмы. Буду иметь свой домик... На берегу реки! Точно, на берегу реки! Никак иначе. Мечтаю об этом, ох и мечтаю, – я со вздохом взглянула на небо, словно мысленно рисуя на нем свою жизнь. – Да уж... Мечта это важно. Мечта может быть губительна, как я вычитала в одной книге. Так же там же я вычитала: но мечта держит нас на плаву, дает нам сил, энергию для борьбы и достижения своих целей.

Молчание, которое натянулось на десять минут. В этот момент все задумчиво шагали. Но теперь у меня больше предположений о том, о чем же думали Лера с Виктором. Предположения эти не самого позитивного характера, но теперь уж нет смысла воротить прошлое.

Мы пришли к тихому местечку, где была одна лишь лавочка, сев на которую, можно узреть красивые виды: речушка, зелененькие поля, безграничная даль и ширь. Или это

было озеро, уже не помню. Так или иначе это было очень приятное нашим глазам местечко, наводящее на всякого рода мысли. Мы любили это местечко, часто приходили отдохнуть там и насладиться свежим воздухом.

Мы редко когда просто молчали, думая о чем-то. Мы постоянно вели беседу, но этот день был другой, какой-то странный. Каждый будто бы решил уйти в свои раздумья, в свой мирок, закрывшись ото всех.

– Люблю лето, – вдруг проговорила я. – Гулять в теплое время с вами, болтая о всяком. О чем не попадая, о чем тольк пожелаешь. Таких друзей как вы очень трудно встретить. Я редко когда кому-то даю комплименты, не потому что я вся из себя такая гордая или еще что-то... А потому что таких людей мне попадается очень мало... Вернее, вообще не по-падалось, кроме моих родителей и вас. Казалось бы... Еще недавно были маленькими, а сейчас уже вон, взрослые, все в раздумьях, кем становиться в будущем, чем жить, чем ин-тересоваться, каждый своим делом занят. Каждый думает о своей жизни... Но так или иначе мы с вами вместе, наде-юсь, что надолго, ибо мне с вами очень хорошо. Вы – мои настоящие друзья, которые ни разу еще меня не подвели и не оскорбили. Я... – вдруг засмушалась я, чувствуя, как краснею и невольно почесывая рукой шею. – Я... Люблю вас. Лучше вас у меня не было.

Да, надо сказать, они были ошеломлены таким признани-ем. Глаза их бегали по полю, головы их едва шевелились,

а тела словно приросли к лавочке. Да, признать, я и сама от себя такого не ожидала... Как-то спонтанно все получилось. Но знаешь, я не жалею и не жалела, что сказала это. Я будто бы это долго держала в себе, все обдумывая и обдумывая. Не знаю, чего ожидала от них, наверное ничего...

Но то, что они сказали мне потом, меня поразило...

Вдруг Лера тихонечко заплакала, мне почему-то тоже захотелось, но я старалась держать в себе. Виктор в этот же момент, видимо, тоже старался держать в себе. Лучи солнца начали потихоньку пропадать, временами пробегал ветер из стороны в сторону, стало прохладнее.

– Кана, тут такое дело... – начал Виктор, не отрывая взгляд от полей. – Мы...

– Скоро не сможем видеться, – продолжила Лера, утирая слезы.

Я не знала, что сказать, не знала, как реагировать, лишь выдавила:

– Как?

– Бабушка с дедушкой решили перебраться в другой город, в наш, хотят купить дом там, получше. Хотят быть ближе к нам, – словно тараторила Лера, пытаясь все это сказать как можно быстрее, будто бы её кто-то спешил, подгонял. Со слезами на глазах она будто бы пробегала по заученному тексту. – Они решили продать этот дом... Понимаешь? Мы больше не сможем видеться, не сможем гулять, не сможет дружить... – Лицо Леры приобрело более влажный и жа-

лостливый вид. Он отвернула свой взгляд вдаль, держа рукой рот.

Было видно, как тяжело было Виктору, однако, он, словно непоколебимый колосс, держался, не пролив и слезы.

– Но... Но как же другие родственники? Можно же к ним ездить? – растерянно спросила я.

Было видно, что Лере было трудно говорить, но она старались изо всех сил.

– Из родственников в этом городе только наши бабушка и бабушка. Они уже все давно решили... Других родных у нас здесь нет.

– Решили?

– Да... Теперь уже поздно что-то менять...

– Мы пытались их уговорить, но бес толку, – вдруг заговорил Виктор. – Но мы можем звонить друг другу.

– Да, наверно... – растерянно сказала я. – И тут до меня дошло: – Это что же, конец нашей дружбы, прямо вот так? Я и не думала, что оно будет вот так...

– Почему сразу конец? – сказал Виктор. – Рано или поздно, мы можем свидеться где-нибудь, ведь наш мир не вертится вокруг этого городка, он вертится вокруг всех городков. Мы уже немаленькие, можем и приехать на поезде, сложно что ли? Нет ведь...

В тот момент я и не знала, что сказать... Конец нашей дружбы, вот он. Не из-за ссоры, не из-за обиды, не из-за чего-то еще, а из-за того, что их бабушка с бабушкой реши-

ли просто-напросто переехать. Не знаю, что сподвигло их на это, но решение их было окончательным. Да, поначалу мы звонили друг другу, болтали, но как таковых друзей у меня больше не было. Это было последнее полноценное лето, которое мы провели вместе, отрываясь по полной. Но кто бы мог подумать, что конец столь близок и внезапен? Дружба наша драгоценная резко прервалась. После этого у каждого образовалась своя, другая жизнь. И у меня в том числе.

Вот так закончилась еще одна важная страница моей жизни. Белая, хорошая, качественная страница. Далее идут то ли заляпанные и порванные страницы, то ли очень качественные – не поймешь, потому что жизнь была насыщена огромными трудностями, и в то же время трудности эти вознаградились так или иначе. Но порой я думаю: не слишком ли высока цена?..

5. Пицца для ума (продолжение)

– Не слишком ли много информации за раз? Давай продолжим в другой раз, а то, я боюсь, переутомила тебя. Не засыпаешь там?

– Нет, что ты, – сказал Василий. – Очень даже интересно, продолжай. Он сидел в такой позе: нога закинута за ногу, кулак подпирает его подбородок, иногда рука почесывает подбородок. С внемлющим взглядом он слушал Кану.

– Хватит уж тебе. Я не обижусь на то, если ты скажешь, что да, устал от моей истории. В этом нет ничего страшного, к тому же время уже позднее, – сказала Кана, кинув взгляд

на часы Василия.

– И правда, – сказал он, глядя на часы. – Продолжим потом, при следующей встрече?

– Угу, – кивнула Кана, собираясь уходить из парка. – До встречи.

– Подожди, – Василий встал с лавочки, – может, тебя проводить? Темновато уже.

– Нет, что ты, – она улыбнулась. – Не нужно. Я сама.

– Ну хорошо, пока.

– До встречи, – повторила Кана.

Медленно, постепенно её фигура исчезала вдалеке, растворялась, как воск, пропадала, как туман, гасла, как свечка.

Василий и не заметил, как остался совсем один в парке. Ни единого живого человека.

– Ну дела... – произнес он сам для себя неожиданно вслух.

На следующий день Василию почему-то очень не хотелось просыпаться. То ли из-за дождливой, сырой и серой погоды, нахлынувшей точно наподобие потопа, то ли от чего-то еще. Но то было фактом. Он витал вроде бы не во снах, но в каких-то своих пространственных раздумьях. Он как бы думал, будучи не открывая глаз и не просыпаясь. У него порой, хоть и редко, но такое случалось. Относился он к этому неоднозначно. Порой Василию в таком состоянии приходили вполне хорошие и логичные мысли, от которых он вскакивал с кровати и шел воплощать их, а порой ему приходи-

ли в голову всякие бесполезные и случайные видения, которые не несли абсолютно никакой пользы. Иногда эти видения были даже страшны.

Так, одним дождливым днем, словом, такой сейчас и был на улице, Василию привиделось, как он вдруг стал космонавтом, залез в корабль, начал уж было взлетать, как вдруг телепортировался в непонятное место, которое находилось прямо в космосе! Василий даже в полудреме запаниковал каким-то своим внутренним нутром, его охватил страх, и он даже почувствовал холодные капельки пота на своем лице. Возможно, благодаря этим капелькам позже он и вскочил с кровати. Так или иначе, потом он начал в этом месте левитировать, обернувшись, он заметил, что за его спиной образовались детские игрушки: плюшевый медвежонок белого цвета, деревянная гоночная машинка красноватого цвета, на еле-еле крутящихся колесах (хотя казалось бы, как они вообще могут крутиться в космосе), небольшой мячик серого цвета и маленький розоватый сачок для ловли бабочек. Василий мало придавал этому значения, ибо он не до конца осознавал, что это все сон. Далее он начал летать в космосе, рас расталкивая темное неощутимое пространство.

«Такое волшебное, и в то же время мертвое, пустое, но способное отнять жизнь человека в два счета», – подумал он.

Он летал и летал до тех пор, пока вдруг перед ним не образовался какой-то большой человек, размеры которого пре-

вышали в тысячи раз любого другого нормального человека. Казалось, ему нет конца. Он будто бы стоял на галактике, как бы это странно не звучало. Василия окинул взглядом этого человека, а тот в ответ его.

– Ты! – сказал он очень громким, басовитым, даже грубым, расплывающимся, кажется, на всю галактику, голосом. – Идешь со мной!

Человек этот был похож на громадную тень. Трудно было разобрать черты его внешности, но одно было понятно точно: он был поразительным исполином.

– Кто ты? Я никуда с тобой не пойду! – крикнул Василий, но тут заметил, что он в скафандре, и этот гигант едва его слышит.

– Ха! – усмехнулся он. – Даже если бы я тебе слышал, думаешь, послушал бы? Нет, дружок, пойдем со мной.

– Нет! Нет! Нет! – Начал кричать Василий что есть сил.

Вдруг какая-то невидимая нить подцепила Василий и насильно потянула его за собой. У него не было шансов дать отпор. Вдруг эта тeneвая туша повернулась к нему спиной и пошла вперед, завлекая за собой Василия. На его спине оказалась такая же огромная надпись во всю его спину «ДУМА».

Тут Василия охватила дикая память и он проснулся.

Впрочем, то были мимолетные моменты. Обычно он резко или не очень вставал с кровати с выпученными глазами. Если что-то приплывало ему в голову совсем не укладываю-

щеся или даже страшное, он мог проснуться с ощущением страха. В общем и целом, это было странное приключение внутри головы. Вроде бы и не сон, но и не реальность. Что-то между, что-то среднее. Василий не понимал, что это за ощущение такое, но иногда оно, словно назойливый гвоздь, лезло в голову и совсем не хотело вылезать, будто бы отлично устроившись там. Иногда Василий подолгу об этом задумывался, мог даже целыми днями, прокручивая то и дело в своих мыслях. Однако и до сей поры не понятно, что это за явление такое.

И вот в этот раз Василий хоть и не ощутил сего явления, но погода была пренеприятной.

Он с огромным трудом разлепил глаза, голова почему-то болела, словно трещина по швам. На этот раз дома никакой мухи не оказалось – оно и к лучшему. Василий потрогал лицо, потом голову, словно нащупывая незримую опухоль.

«Что тут может находиться? Да ничего, одна пустота в этой коробке, которая называется черепной», – подумал Василий.

– У-у-у, – простонал Василий. – Как же плохо... Что со мной происходит? Не понимаю...

Он поднял спину, в голове будто бы что-то перевернулось, там словно гроыхал какой-то тяжелый предмет, который задевал все возможные стенки.

Он зажмурился; раскрыл глаза, округлив их. Наконец лениво встал, пошел на кухню, посидел немного, будто бы на-

вода порядок в мозгу, расставляя там все по полочкам; навел себе чаю, хоть и любил кофе по утрам. Попил чаю с теми самыми печеньями, которые он приобрел в магазине.

Василий посмотрел в окно, оттянув штору.

На улице была ужасная погода. Гнетущая, ветреная, даже пугающая.

Василия пробрал озноб, от этого он даже вздрогнул, словно ощутив какого сейчас на улицу выходить.

«Непутевый день...» – подумал он.

В квартире стало почему-то холодно, а чай едва согрел. Он решил еще навести, поставил чайник и хотел было пойти в зал, как вдруг – звонок в дверь.

«Кто это еще может быть? Да в такую погоду...» – подумал Василий.

Он подошел к двери, посмотрел в глазок: почему-то никого не было видно.

«Шутники, что ли?» – подумал он, но все равно решил приоткрыть дверь.

За дверью показалась знакомая уже ранее девушка.

– Привет! – Жизнерадостно махнула рукой Кана, вся сырая, с мокрыми волосами и промерзшая.

– Привет... – проговорил Василий таким тоном, будто не рад видеть Кану. – А ты как здесь оказалась, да в такую погоду?

– Я вот... прогуливалась здесь рядом, а дождь как ливал... Вот я и оказалась здесь, неподалеку от твоего дома.

– Да? Занимательно... – Василий все никак не мог проснуться и осознать, что напротив него стоит вся мокрая Кана. – А, извини, должно быть, показалось, что я не рад тебя видеть... Заходи конечно, – отворил он до конца дверь.

– Спасибо, – проговорила она.

– Стой, – вдруг остановил он её, когда та только приготовилась переступить порог. – А как ты узнала мой адрес? Я разве тебе его говорил?

– Ну... – замялась девушка. – Нет. Но давай я расскажу тебе чуть позже про это? А то я замерзла... Жуть... Мне бы погреться. Не хочу, конечно, навязываться, но...

– Проходи, конечно! Я просто что-то задумался. Я как раз ставил чайник и хотел попить чай. Вот и компания появилась.

Кана улыбнулась, сняла верхнюю одежду и прошла в дом.

Присев на стульчик, который стоит на кухне, она спросила:

– Ну, как жизнь?

Василий, расположившись спиной к ней, ответил скверным голосом:

– Тяжко... Погода не нравится.

– Мм, так сильно влияет на настрой?

– Как ты догадалась? – обернулся Василий.

– Предположила, – улыбнулась она.

– Слишком много точных предположений.

– У меня с детства неплохая интуиция.

– У меня тоже.

Кана посмеялась. Василий заварил чай, поставил две чашки на стол: одну перед собой, другую перед Каной. Так же на столе имелись те самые печенья. Благо, Василий купил достаточное их количество. Двум людям точно хватит наесться.

– А у тебя как жизнь? – в ответ спросил Василий, после чего хлебнул чая.

– Знаешь, а я наоборот, люблю дождливую погоду.

– Я заметил... – произнес Василий, окидывая взглядом сырую одежду Каны и такие же её сырые волосы.

– Да, – улыбнулась она. – Но промокать я не сильно люблю. Люблю тучную, прохладную погоду, но быть мокрой не люблю. Обычно я надеваю в такие моменты плащи, чтобы не промокать, но сегодня такой сумбурный день выдался, что я совсем забыла про него. – Волосы Каны теперь были не такими волнистыми, а больше походили на плоские щупальца осьминога, только без липких круглых элементов. – Поэтому попала под дождь... Слушай, у тебя есть фен?

Василий задумался. Сказал:

– Должен быть где-то... Сам им не пользуюсь, но мама как-то дала и вот он где-то валяется... Сейчас поищу.

Василий минут пять шебуршал предметами в шкафах в зале, и наконец нашел заветный фен.

– Держи, – протянул он пыльный фен Кане. – А, секунду. – Он взял тряпочку и протер его. – Вот, теперь держи.

– Спасибо, – улыбнулась Кана.

После того, как она просушила волосы, они снова принялись за разговоры.

– Возвращаясь к теме, хочу сказать, – начала Кана, – что люблю дождливую погоду. Но не люблю попадать под дождь. Да и вряд ли есть люди, которые любят, правда?

– Угу, – кивнул Василий.

– Ну, в любом случае, нам есть о чем поговорить, да?

– Да, я хотел бы услышать продолжение истории становления твоей жизни.

– Правда? – Василию показалось, что Кана хотела улыбнуться, но вдруг что-то её остановило.

– Ну да, правда, – он глотнул чая.

– Хорошо, я продолжу...

6. Девушка, добившаяся успехов (продолжение)

В скором времени я окончила школу. Трудно описать словами, сколько я пережила трудностей. Нет, меня уже не глумили, если ты вдруг подумал об этом, либо глумили за спиной, втихую, шушукаясь как мыши. За все это время у меня появился какой-никакой стержень, ну и вообще, в классе уже все повзрослели, некоторые, но не все, конечно же, поумнели. В общем такой проблемы по сути уже не было. Но были трудности с учебой. Как ты помнишь, я говорила, что хотела идти на экономиста.

Однако если бы все было так просто и наши желания исполнялись в миг... То я бы бед не знала.

В общем, городишко мой небольшой, поэтому там мало учебных заведений, если есть вообще, в принципе там мало каких достопримечательностей было. Что уж тут о достопримечательностях говорить, если там нету даже кинотеатра! Представляешь? Где такое видано? Ну да, город небольшой, но в нем не так уж и мало людей живет, чтобы не ходить в кино. Какая-никакая прибыль была бы. Тогда я все подсчитала, я же экономист тогда еще будущий. Ну и вот, в принципе я много что тогда считала. В основном это происходило в уме, в моей головушке. Золотой или нет – не знаю. Но я поняла одну очень важную вещь за свою короткую, молодую жизнь: не так важно, сколько ты читаешь, как то, как ты используешь прочитанный материал. Пояснять надо? Ну ладно, поясню, вижу, что не совсем понимаешь. Смотри. Ты можешь хоть миллиард книг прочитать, или даже пробежать глазами, но ни черта не понять ни одну из них, и смысл тогда в литературе? А можешь прочитать одну, но осознанно, если нужно – неспеша. Главное: понять главную мысль, концепцию, общую идею. Хотя, надо признать, часто одна большая идея покрывает тысячу других, не замечал такого, нет? Ну не суть важно. В общем, как всегда отхожу от темы.

Читала и считала я тогда много. Сейчас не так много я считаю, но читаю по-прежнему достаточно.

После школы нужно было куда-нибудь поступать, и остаться в родном городе я не могла. В универах и колледжах, которые там размещались, едва можно увидеть хоть

сколько-то полезные профессии. Ну, хорошо, я погорячилась, это слишком субъективно, но, скажем так, профессий более высокого уровня в этих учебных заведениях не имелось. Там были обычные, ремесленные дела. Это не для меня. Не то чтобы я такая умная фифа, но это просто не по мне. Я не умею работать руками. Я сейчас едва яичницу приготовлю без пожара, что уж там говорить о какой-нибудь швей? Нет, я умела работать только головой, и иногда давать указания. В этом я хоть что-то смыслила.

Опять отхожу... Извини. В общем то, что мне было нужно, найти в городе не представлялось возможным, поэтому я решил отправиться в другой город, где как раз можно выучиться на экономиста. Благо, один такой приятный городок был неподалеку, в часе езды на машине от моего. И универ там был неплохой, аккуратненький, чистенький, неплохие преподаватели, как мне тогда рассказывали. И это оказалось правдой. Конечно, и с ними были свои проблемы, но в целом ничего критичного. С ними я нашла общий язык. С учителями было труднее... Им вынь да положь, и не волнует вообще, как ты эти знания будешь получать... Преподаватели же были чуткими, что ли. И в то же время, если ты не хотел учиться, они тебя не волновали лишней раз, понимая, что значит этот предмет тебе не сильно нужен в твоём деле, поэтому достаточно было иметь хоть каких-то познаний, чтобы от тебя отстали.

Сказать по правде... Я боялась, жутко даже боялась по-

ступать в универ. Меня даже охватывали какие-то внезапные паники, с которыми я никак не могла совладать.

Но кое-как себя переборола. С помощью каких-то внутренних сил и с родительской поддержкой. Я их очень люблю... Если бы не они, не знаю, стала бы я сейчас такой, какая есть.

Это был первый звоночек, который говорил: «Кана, не лезь в это дело! Оно опасное для тебя, для твоей головы, для твоих нервов. Не надо, побереги себя». Но не послушала... И может быть, хорошо. Иногда нужно посылать свои переживания к черту куда подальше! И просто идти и делать, сквозь слезы, пот, боль и стеснительность. Последнее вообще сильнее всего раздражает...

Но в итоге, объездив несколько учебных заведений, одно из них мне позвонило и обрадовало, сказав, что у них осталось одно единственное бюджетное место! Представляешь? Я уже и не надеялась... Не надеялась знаешь почему? Потому что остальные мне либо отказывали в связи с тем, что недостаточное количество баллов, либо предлагали идти на платное. Такой возможности у моей семьи не было. Мама с папой хоть и несли все в дом, в свой родной очаг, но у них не было таких деньжищ... Универы – то эти престижные, не абы какие. И да, свои способности я как-то переоценила... Думала, еще придется выбирать... Ага... Вон оно как бывает.

Но, благо, поступила. И вот, наступает новая ступень в мо-

ей жизни.

Про свои школьные обиды я уже забыла, хотя, надо признать шрамы остались... Сначала они стали затянувшимися, потом бледными, но они остались, их можно было четко проследить. Как бы то ни было, это мое детство со всеми вытекающими, и только мне с этим жить – никому иному, – думала тогда я.

Но подобное утешение мало помогало...

Сначала в универе все было просто, даже до однообразия скучно. Я подумала: и зачем я сюда пошла? Лучше бы филологом стала... Ну ладно, что уж теперь. Со временем обжилась в группе, завела знакомства. Друзей как не было, так и не стало. Лишь знакомства. Тогда я стала почему-то очень замкнутой, словно чего-то боялась... И страшнее всего было то, что я не знала, чего боялась. То ли грядущего будущего, о котором я в глубинах сознания догадывалась, то ли черт знает о чем. Всякое лезло в голову, и это всякое в основном не было приятно.

Но знаешь, со временем я начала наблюдать, что у меня появился синдром «Боязнь будущего и прошлого». Это я его так прозвала. Официально такой болезни, конечно же, не существует. Но иногда это и походило на биполярное расстройство. Но я думала, что все это само пройдет... Ага, если бы.

В один прекрасный момент, я начала на парах громко смеяться и плакать одновременно... День в принципе скверно начался. Меня обрызгала машина водой из лужи, по-

том я споткнулась и угодила правой своей стороной одежды в грязь, после – мой нос чуть не познакомился с дверью универа... В общем, весело. Пришла на пары, начала думать, какой же ужасный день, потом вспомнила какие-то веселые моменты из жизни, и все это смешалось с школьными воспоминаниями. Так, сначала по чуть-чуть, а после заражаясь громким смехом, начала плакать. Конечно же, все обратили на меня внимание, а я лишь повела руками, мол, не знаю, что со мной происходит. Я начала смеяться так сильно, что стала задыхаться, лицо мое покраснело и... Я смутно помню этот момент, но ясно помню то, как очнулась в больнице. Возможно, я потеряла сознание, не знаю... Но однокурсники и преподаватель доставили меня в больницу, где меня уже привели в адекватное состояние. И там мне сообщили ужасную вест... Меня, ты представляешь? Меня. Хотели положить в психбольницу. И положили...

Что тут говорить... Это было ужасно! По крайней мере, тогда я так думала. Положили меня на полтора месяца, но за это время я много поняла и начала работать в одном направлении. В каком, – спросишь меня? В направлении бизнеса. Плюс я начала писать стихи. Но это так, небольшое утешение. Писала о своих ощущениях на данный момент, о том, что я думаю. Так, развлекашки. За эти полтора месяца я накидала бизнес план. Надо сказать, я думала, что все провалится, но в скором времени многое изменилось. Ну, в относительно скором времени. Ведь в бизнесе редко когда

что вспыхивает и стреляет. Мало того, коли уж стрельнуло, то выстрел этот надо удержать. И если не стрелять так же ярко и точно, то хотя бы не забывать перезаряжать обойму. В общем, надо уметь удержать скорый успех, если он имеется. Да и не скорый тоже. Может, психбольница мне и пошла на пользу – не знаю. А может моя жизнь могла повернуть в более правильном направлении. Хотя, знаешь, только мы решаем, в какую сторону повернута наша жизнь: в плохую или хорошую. И только нам крутить руль, если вдруг не нравится поворот, в который мы влетели. Я так считаю. Как-то внезапно за этот месяц с половиной я посерьезнела, хотя не сказать, что была какой-то легкомысленной девчонкой. Я почему-то стала думать холодным разумом, и после это холодное раздумье стало куда больше.

Я хотела сначала открыть пиццерию. Обычную пиццерию, в какие сама любили время от времени забегать. Хотя признаться, больше любила собственную пиццу, домашнюю, приготовленную своими руками.

Пиццу эту хорошо готовила моя мама, и что ты думаешь? Я предложила ей быть поваром в моем будущем ресторане. Ну, ресторан это громко сказано. Сначала это было скорее забегаловкой. Небольшой помещеньице, можно сказать передвижное. Такая, коробка два на два. Да, узко, тесно, но что поделать, приходилось уживаться. Спросишь: откуда же ты взяла деньги? Ух... Это отдельная история, но я не хочу тебя снова так сильно нагружать, поэтому скажу: накопления

родителей. Сама я мало что накопила за это время, но это были резервные деньги, на самый худой случай, какой мог случиться.

Ах, я же не дорассказала момент с психушкой. Вот я значит выхожу, вся сияют, вся радостная, меня уж хотели из-за этого снова посадить обратно, но проведя пару тестов, поняли, что со мной все в порядке. Вышла я из психушки, и бегом сразу же к родителям, мол, смотрите, хочу бизнес делать. Они посмотрели на меня ошарашенно как ну душевнобольную. Ну, оно и не мудрено. Это оправданно. Я, если честно, в глубине души и не надеялась, так, мечтала... Но родители у меня громадные молодчинки... Если бы не они... Они долго мялись, не день и не два. Считали, что я свихнулась.

– Я не работаю сейчас, ты помнишь? – говорила мама.

– Память у меня вроде бы неплохая, зачем лишний раз уточнять? Именно поэтому я предлагаю тебе поработать у меня поваром. Не у меня, а у нас.

– Какой из меня повар...

– Мам, ну хватит, – я взяла её за руки, заглянув в её глаза, – если так говорить, то никогда и ничего не достигнешь, а тут можно решить две проблемы одним махом.

– Да? С чего это ты так уверена?

– Не уверена... Но хочу попробовать. Вдруг это то самое, к чему я иду? Может, это то семя, которое произрастет и даст своим сочные плоды? Я хочу просто попробовать... И поэтому мне не к кому обратиться, кроме вас. Вы всегда давали

мне все, я думала, что, может, это последнее, о чем я прошу... Дальше я бы пошла сама, по своему пути.

– Начиталась своих книг, теперь говоришь загадками... – буркнула мама. – Ну а про универ не забыла? Тоже, знаешь ли, не так просто нам твое поступление обошлось. Хотя ты и попала на бюджет, но вспомни, какими усилиями.

Она говорила спокойно, понимая, что на меня нет смысла поднимать голос, она все прекрасно понимала, мы были с ней на одной волне, да и с папой тоже. Они всегда меня максимально идеально понимали, если так можно сказать. Поэтому они мне так дороги. Знаешь, некоторые недолюбливают своих родителей как раз из-за того, что старое поколение никогда не сходится мнениями с молодыми, а тут иной совсем случай... Я сама постоянно этому поражалась! Родители мои были какие-то вне поколений. Либо же они были и в том, и в ином, и в третьем поколениях сразу, знаешь, это как трехмерное измерение. Трехмерные родители, скажем так...

– Мам, там на время закрыли универ – проходит какое-то реконструирование, обучение проходит дистанционно, поэтому не переживай, все нормально. Сессию уже закрыла, есть время для отдыха и как раз с тобой и папой обсудить, что да как...

Мама надолго задумалась, я уж было хотела засыпать, как вдруг:

– Нужно с отцом обсудить.

– Спасибо! – я обняла её.

Трудно рассказать, о чем все это время я думала. Такие там чувства смешались...

Однако я получила положительный ответ. Не представляешь, как я радовалась этому...

Было много условий, однако ж – вот, стоим уже с мамой готовим пиццу и пирожки. Теплые, приятные и вкусные по демократичным ценам. Никогда не думала, что жизнь меня так занесет, как в метель машины заносят. Такой поворот судьбы не мог предугадать никто.

Сначала к нам никто не заходил – я думала, это конец... Профинтила родительские деньги и все, капут. Но удивительно, раз зашел какой-то студентик, решил купить парочку пирожков.

– Здравствуйте! – миловидно сказал он. – А что у вас продается?

– Здравствуйте! – радостно поприветствовала я, уже и не надеясь хоть на какого-то посетителя. Но вот он, живой и вроде бы здоровый.

Он подумал, почесал ухо, потербил очки, сказал наконец:

– Можно мне... эээ... Вот этот пирог, – указал он пальцем, – и этот.

Я кивнула, взяла два пирожка с палочки и завернула в полиэтиленовый пакетик.

– Пожалуйста! – передала я ему. – Приходите еще!

– Спасибо, – расплатившись кивнул он, и ушел.

И удивительно, он пришел! И так еще несколько человек, таким образом у нас набралась какая-никакая клиентская база.

Чтобы не напрягать тебя скажу, было трудно, я изнемогалась до невозможности, и даже начала закалывать учебу, лишь изучала книги про бизнес, экономику и все в таком духе. Вот они мне действительно помогли, в универе же было слишком много воды порой, как мне казалось. Ну и универ, наверно, сыграл свою роль. Знаешь, в абстракции всегда проще смотреть, я это уже давно поняла... Но если подумать, что из чего вытекает, из-за чего ты поступаешь так-то и получаешь такие-то результаты, то выходит какая-никакая картина, глядя на которую понимаешь, что каждая, пусть и грубая или неприятная деталь имеет свое отношение. Каждая деталь вносит свой вклад в общее дело, в общую большую машину под названием «жизнь». И, может, если бы мне было не так скучно в универе, то я бы продолжила в нем учиться и... Не достигла бы успеха в бизнесе? А может наоборот из-за бизнеса я получила только кучу болячек, мигрень и потерю нервов? Не знаю... И пойми, глупо рассуждать на такую тему. Ведь мы просто живем и все... В этом весь смысл. События и события, – пережил и пережил. Ну и хорошо. Вот они потихоньку складываются и ты копишь их, как коллекционер, скажем, картины, часы или что-то еще. Не знаю, что еще они там копят... Но важно это: главное идти вперед, а как приложится дорога – не столь важно. Ты шел

вперед, и если потерпел неудачу, ну что ж... Нечего расстраиваться, ты сделал все, что мог, правильно? Значит тут уже повлияли неподвластные тебе события...

7. Пицца для ума (продолжение)

Василий допил давно уже застывший чай. Он заслушался Каны, из-за чего несколько раз про него совсем забыл.

– Да уж... – сказал он. – Крепкая история, но я так понимаю, это не конец?

– Нет конечно, – проговорила Кана. – Продолжение ждет. Все зависит лишь от тебя.

– Ну да, я понимаю... И может стоило бы продолжить, по крайней мере я этого хотел бы, но может лучше отвлечься на время? Поговорить о чем-нибудь другом?

– Можно, – так же допила чай Кана. – Только о чем?

– Не знаю... – нахмурился Василий. – О фильмах?

– Да что тут о них говорить, – улыбнулась Кана. – Старые – класс, новые – туфта.

– Почему же ты так думаешь? Я видел парочку новых, и они ничего.

– Не спорю, – махнула рукой Кана. – Можно и среди новых найти ограненные алмазы, но они ведь редки и часто теряются в нечистотах однообразных фильмов, которые пытаются что-то скопировать с классики. Либо же произвести якобы что-то новое, но это новое ничто в себе не несет. Короче говоря, как по мне, новые фильмы бездушны и ничемны, старые же хоть и проще, но ведь от этого они луч-

ше. Они искренние, простые, со смыслом и с моралью. А новые... ну что они несут? Да ничего. Одна развлекуха бесполезная. Причем скучная развлекуха, хорошо, если детям весело будет, если они еще не отупеют от новизны.

– Ну да, наверно, ты права.

– Советую тебе сперва классику посмотреть, а там уже строить свои вкусы как тебе угодно...

– Спасибо за совет, – попытался улыбнуться Василий, но почему-то не смог. – На улице дождик подуспокоился, – сказал он, отодвигая штору и глядя в окно. – Но все еще идет, так что беседуем.

Кана улыбнулась.

– Как к картинам относишься? – внезапно спросила она.

– Которые настоящие, на холсте? – глянул исподлобья Василий.

– Угу.

– Ну, как-то не увлекался, не интересовался, но наверно это классно и интересно.

– Я вот какое-то время увлекалась, – уперла взор Кана в потолок, мечтательно очерчивая там какие-то линии, – у меня подруга была, ну, это уже потом по истории моей, еще упомяну её. Так вот она действительно творец была, действительно заставляла кисть порхать. Знаешь, для меня это чуждо... Ну, искусство живописи. Я вообще ужасно рисую, – она сконфузилась. – Не умею и все тут. Даже не пытаюсь.

– И что рисовала твоя подруга? – спросил Василий, раз-

миная кости пальцев руки.

– Да всякое. Что вдохновляло, что приходило в голову. Знаешь, иногда и меня рисовала.

– Веришь в вдохновение? – Василий свел две брови в одну.

– Ну, как тебе сказать. Знаю, что существует что-то, что толкает нас на создание каких-то художественных элементов нашей жизни. Будто книга, картина, музыка или еще что угодно. Что-то такое, внеземное, что ли...

– Да вы суеверны, – сказал Василий, чуть приподнял левый уголок губ.

– Ну, что ты... Сказал конечно. На протяжении своей жизни я поняла, что кроме меня мне никто не поможет. Нет, я не говорю, что пережила что-то невероятно старшее или вроде того. Было трудно, – вот и все.

– И все же ты пережила все это...

– Ты еще не дослушал, – вскочила улыбка Каны.

– А уже делаю вывода? Вот негодяй.

– Да ты не то что негодяй, просто умеешь дослушать собеседника, вдруг там что-то очень важное, без чего ты суть рассказа не уловишь, согласен? – Лицо Каны теперь уже казалось максимально серьезным, хоть и вопросительным, дискутируемым.

– Согласен. Только что-то мы отошли от художницы.

– Ну, что тут сказать... Жила она бедно, никчемно, но была умной и начитанной девушкой. Порой и на книги не было

денег, поэтому когда я более менее расширилась, я ей всячески помогала в том или ином деле. Рисовала она и животных, и природу, и людей. И что-то... Экстраординарное, выходящее из ряда вон. Она рисовала то, как представляла сознание и подсознание. То, как они взаимодействуют, какие нити у них существуют, какие мосты их соединяют, кто или что может жить в подсознании и сознании...

– И что, и что? – внимание Василий было максимально приковано на словах Каны. Он внимал, досуха иссушая смысл слов.

– Ну что-что... И все это можно проследить в одной картине, хоть и была не одна на эту тему. Не-е-ет, эта тема почему-то очень сильно её волновала. Она так просто её не отпускала. Говорила: это человеческий элемент, зачем же про него забывать? Мол, это важная наша часть, не думая про которую просто невозможно. Ну или, вернее говоря, нельзя просто так про это не думать, ну, то есть, забрасывать, не изучать. Человек всегда должен изучать себя, сосредотачивать внимание на своем «Я». По крайней мере так говорила подруга. И я запомнила одну её фразу, которая до сих пор сидит в моей голове: «Человек сам по себе является самым настоящим произведением искусства» Конечно, порой я была шокирована, насколько глубоко она шарит в некоторых темах. Меня, хоть, и хвалят многие за ум, но тут и я была порой в перманентном шоке. Такие вести... Я словно галактику для себя открывала. Будешь удивлен... Казалось бы,

художница, но она квантовую физику знала лучше, чем преподаватели моего универа, – Кана посмеялась отрывистым голоском. – Вот потеха была...

– Пряма так хорошо знала? – чуть ли не полусшепотом спрашивал Василий, будто бы боясь спугнуть удачу поговорить на эту тему.

– Ну да. Читала много, углублялась, сериалы документальные смотрела, фильмы. И художественные тоже. Научпоп например. Интересовался человек. А в школе до этого пичкали ненужным... Сама поражалась ей. Как начнет про квантовую физику затирать, так все... Хоть сразу укутывайся одеялом и ложись на боковую, и в то же время хочешь послушать – некрасиво человека прерывать, да и интересно вообще-то...

– Хм. Интересно.

– Очень. Тогда я вот задумалась: насколько велика у человека тяга к обучению, а у неё даже денег нет на книги... Приходилось выкручиваться, ходить в библиотеки, и так далее, и тому подобное. Поэтому я тогда поняла, что все зависит от тебя и лишь от тебя, от твоего желания, от твоей тяги, от твоей силы воли...

– Да, наверно... Это как мы с тобой тогда в парке говорили.

– Ну да, – согласилась Кана. – Можно сказать, я была горда, что такой человек имелся в моем окружении.

– Время позднее, – сказала Кана. – Мне пора. В общем,

рассказала то, что рассказала. Воспринимай как хочешь: ни ругать, ни довольствоваться собой не буду. Сказала все как есть, как знаешь, с плеча рубя топором. Ну, еще будет последний этап истории моей жизни. Ну, а я пошла.

– Постой, – одернул её за руку Василий. – Как же ты в такую погоду? Дождь, сырость.

– Ничего, – улыбнулась Кана. – Такси поймаю, не переживай.

– Точно? – взволнованно переспросил Василий. – Хоть там погода и плохая, но могу довести.

– Нет, что ты, – еще более дружелюбно улыбнулась Кана. Порой она казалась таким безвинным существом, что, кажется, чуть что, и этот хрупкий организм ты повредишь. И в то же время, была в ней какая-то спокойная, холодная уверенность в своих действиях, в своих шагах, которые проявляются, как следы на песке: ясно и четко.

– Т-точно? – переспросил максимально серьезно Василий.

– Василий, не переживай, я не впервой.

– Не впервой – что?

– Вызываю такси в такую погоду.

– Ну ладно, – наконец подуспокоился Василий.

Кана прошла к двери, обулась, оделась, улыбнулась в последний раз и, сказав «До встречи!», покинула место жительства Василий.

Минуты 3 он стоял перед дверью и тихо думал, будто бы боясь испугать самую безмолвную тишину: «Загадочный че-

ловек... Интересно все это, да только познавать и познавать мне людей.»

Спустя еще пять минут он добавил: «И себя тоже... Познавать».

На следующий день выдалась дождливая погода, и, надо сказать, Василий уж было совсем отчаялся, как вдруг выглянуло солнышко из-за туч, точно миссия, несущая только добро и мораль. Его это невероятно подбодрило. Пока он просыпался, завтракал и приводил себя в порядок, на улице немного подсохло, и кое-как все-таки можно было передвигаться. На улице сразу появились люди. Словно муравьишки, выползающие из своих муравейников, они потихоньку, по чуть-чуть выползали небольшими группками, небольшими количествами. Василий начал небольшими шажками приходить в себя, ведь дождь давит на него. У него порой создавалось чувство, будто это кара, посланная с небес злыми богами, когда те рассердились и решили покарать суетных людей. А солнце наоборот, – милость богов, обещающая расцвет, покой и благоденствие.

Василий вышел из дома, лучи сразу же ударили в глаза, отчего Василию пришлось зажмуриться на половину одного глаза, а другой закрыть рукой. Но как бы то ни было, это была та погода, что надо.

Василий прошелся в магазин, закупив там газировки, и пошел дальше. Он решил заглянуть в парк, как это обычно бывает. Но перед ним он решил прогуляться и в других

местах. Надо признать, Василий и не знал, что в его городе построили новый кинотеатр.

«Удивителен и внезапен порой мир», подумал он.

Новые люди, новые лица – все это сопровождало его до кинотеатра и после. Он решил заглянуть в него. Нужно отдать должное: выглядел он шикарно. Не блистательно, не чересчур вычурно, но в то же время очень приятно глазу. В некоторых моментах даже аскетично. И аскетичность эта шла к лицу кинотеатра. Глазу Василия было очень приятно любоваться этим. Зайдя в здание, он не нашел интересных его фильмов. Хотел бы классику, как рекомендовала Кана, да только этого, видимо, отроду не было. Одни мультики да комедия, – ничего интеллектуального. Сплошь развлекуха.

«Да, правильно Кана говорила...», подумал он.

Огорчившись этим событием, он двинулся дальше по своему пути, теперь уже до парка, до излюбленного им места.

Надо признать, вид у парка сейчас был особенный: сырые лавочки, старающиеся как можно быстрее обсохнуть, чтобы люди не брезговали примостить свои туловища на них, влажные листики деревьев, с которых сползали капельки воды, которые ветер подталкивает как семя цветов, такие же сырые площадки для детей. Весь парк, кажется, был сырым, но он старался изо всех сил засохнуть.

Василию повезло и он сразу же встретил Кану. Та была в кожаной чёрной куртке и серой кофте.

Они быстро разговорились, начали обсуждать всякие разные темы, на улице вдруг стало жарко и Кана сняла свою куртку. Спустя примерно полчаса, Кана сказала:

– А, ты забыл? Я тебе еще должна дорассказать свою историю. Если не интересно, я, как говорится...

– Интересно, – тут же прервал Василий.

– Ну, хорошо, – приглушенно улыбнулась Кана, готовясь и набирая воздуха в легкие.

8. Девушка, добившаяся успехов (продолжение)

Так, на чем мы там остановились? А, на бизнесе... Ага... Ну, на начальной стадии. В общем. Потихоньку наша металлическая коробочка набирала клиентскую базу, и люди начинали к нам ходить. То студентик тот, то бабулька, то девушка, которая любили наши пирожки покупать своему чаду, сыну с светлыми волосами. Надо признать: очень милый мальчик. Надеюсь, что он растет достойным человеком. Все-таки, злодеев и грубиянов в нашем мире всегда наберется. Люблю я от темы уходить, я думаю ты это давно понял. Но таков уже я человек. Начал бизнес продвигаться, и из серьезного минуса мы даже почти сравнялись расходы с доходами. Спустя небольшой период времени, каких-то месяца 4, мы даже чуть ли не в плюс пошли. Но он был мизерный, смехотворный. Однако это уже успех. Все начинается с маленьких побед, верно? Хотя в своем роде и эту победу можно считать большой.

Но так или иначе... Все вроде бы шло в гору, до того слу-

чая, как я приехала к маме. Поговорить насчет нашего общего дела. Приехав, поздоровавшись с ней, я заметил, что на ней нет лица, какая-то она грустная, что ли.

– Что случилось, мам? – спросила я, прожевывая рис с курицей. – На тебе лица нет. Побледнела, чтоли?

Она все кивала и отмахивалась, но наконец сказала таким же бледным и растерянным тоном:

– Папа в коме...

– Как? – я разинула глаза, выронила вилку из руки. – В смысле в коме? Что случилось?

– Врач сказал, что-то с сердцем...

Сказать, что я была ошарашена – ничего не сказать... Поехали в больницу, где я провела долго время с папой, чуть ли не пол дня.

– Папа, папочка... – говорила я. – Только не переживай, слышишь? Не переживай, все будет хорошо, я с тобой, мама тут. Все будет нормально, заживешь как обычно, нормальной жизнью, и все будет просто отлично... Не переживай главное... Просто поправляйся... – яхватила его руку обеими своими.

– Извините, что прерываю, но...

– Да, да... Знаю, – говорила я. – Человеку нужен покой. Я уже все, ухожу.

Прикрыв за собой дверь, я вышла из его палаты. Надо сказать, это был очень тяжелый период. Спустя время я поняла, что депрессия только в наших головах, но тогда я сильно

ей страдала. Ну или штукой, которую все зовут депрессией. Было очень тяжело. Я перестала учиться, я забыла про работу. И сейчас мне трудно сказать, что меня вытащило. Может, старые добрые книги?.. Может. А может и музыка. Тогда я почему-то всерьез начала её слушать. Любила спокойную, или рок, но тоже спокойный, идиллический, успокаивающий струнки моих нервишек. Или все сразу: и музыка, и книги, и какие-то мои раздумья, проникающие в мой собственный внутренний мир. «Как бы чего не испортить в своей головешке», думала тогда я. Книги я тогда начала читать исключительно художественные. Там, о похождениях человека, который искал себя в этом мире, и в итоге не нашел и ушел из мира сего. Грустная, вероятно, история, но явно наводящая на некоторые размышления, и тогда она в каком-то роде меня вдохновила. Странно? Может быть. Я в принципе странный и не совсем однобокий человек. Сама себя порой не понимаю. Но почему-то я тогда подумала, что я – не тот человек, мне есть место в этом мире. Но книги не покидали меня тогда долго. Иногда я просто валялась подолгу на диване, хоть и понимала, что просто теряю время, ничего не делая полезного. Понимала и все равно... Страдала... Но были и другие книги. Был один писатель, философ эдакий. Ну и он... всякие воодушевляющие книги писал, такие, знаешь, прям заставляли меня взять и пойти делать что-то. Была какая-то магия в его литературе. Если бы у меня была золотая полочка для самых любимых книг самых любимых писате-

лей, то он точно там бы оказался. Так я его любила... Прямо растворялась в тихой и доброй, но в то же время учащий жизни, атмосфере.

Я все ною да ною, что ой, как же мне плохо было. Страдала я каким-то страдальческим синдромом. В какой-то степени да, это просто был детский лепет, который перерастал в лень, тоску, безнадегу. Но опять же: депрессия в наших головах. Моя голова не была исключением.

И вот значит выхожу я из этого состояния чудодейственным образом, при этом приободрившись, но чувствуя, что на душе какой-то якорь, который все тянул, тянул и тянул меня вниз... Якорем был тот факт, что папа в коме. Никогда особых проблем со здоровьем не было, – вот те на-те. Единственное что – плоскостопие волновало, но это мелочь по сравнению с тем, что он попал в кому. Причем конкретной причины не объявлялось. «Сердце», – лишь бросали врачи. От этого было еще страшней. Неизвестность всегда пугает, особенно в таких случаях, скажем так, опасных, крайних.

Надо добавить, что и маме было худо от этого. Она пыталась как-то приободрить меня, но я видела её. Самой её было очень тяжело и иной раз она натягивала улыбку. Папа действительно был нашей, что называется, крепостью, стеной...

Но вот кое-как я подняла свою тушу и пошла на работу, в свою металлическую коробочку, в которой обитали всякие хлебобулочные изделия. Проработав немного, повидав всего

клиентов 5, я вернулась домой. А там мама радостная вся, сияющая. Обняла меня, и говорит:

– Папа наш с тобой почти выздоровел!

– Как?.. Выздоровел? Он же глаза не открывал.

– Так же чудодейственно, как и попал в больницу. Поехали к нему.

– Поехали, – сказала я с небольшим приятным шоком.

Приехали. И вот он, улыбается с щетинкой на лице, глаза посветлели, лицо налилось красным. Ну прямо как перчик, в который просачиваются лучики солнышка. Вытянул руки, чтобы мы обнялись. Обнялись, конечно же. Все радостные сразу стали, ну точно праздник какой. Это и правда был праздник. Разговорились, папа как ни в чем не бывало начал шутить. Он всегда такой был, по жизни. Какое бы ужасное не случилось, он всегда на позитиве. Это еще одна черта, за которую я люблю его. Может, это и мне передалось, хоть и не скажешь, исходя из моего рассказа. Ну так или иначе, сейчас, я думаю, что я не вялый кабачок в плане настроения. Так или иначе, стараюсь держать тонус. Болтали сидели, пили чай. Папа рассказывал, какие ему снились сны. Ну снились они уже ближе к восстановлению. Про какого-то космонавта, который пытался спасти свою семью, про сумчатых волков, которые исчезли уже из нашего мира. Всякое ему снилось.

Но я тогда задумалась о другом... О цене жизни, о том, как же эта вещь все-таки дорога. Дорога и хрупка. Хотя ка-

жется, ну вот куда этот или тот человек денется, а вот раз! – и произошло что-то ужасное. И человека нет. Вот так вот, в одночасье, по щелчку пальцев. Взял, да исчез. Смерть штука внезапная, ждать не будет, – с людьми не считается. Делает, как сама считает нужным.

Но благо, с папой моим все было хорошо, однако этот случай здорово потрепал меня. И может, странно это слышать от меня, но может это к лучшему? Нет, не пойми меня превратно, что заболел папа – это ужасно... Но сама ситуация, то, что позволила она мне ощутить – это дало мне опыт и пищу для раздумья. Жизнь... Её надо ценить, а не бросаться ею, как листовкой. Все-таки она одна. Это драгоценнейшие алмаз. Пожалуй, самый ценный...

Но идем дальше. Мы с мамой возобновили работу, продолжили пышечки продавать. И дальше идет монотонная часть моего повествования.

Однако отмечу кое-что отдельно. Подруга, помнишь? Художница которая. Так вот, зашла к нам за пирожками одна девушка, приятная такая. Зашла, купила пару пирожков, и, вот совпадение! – через какое-то время я шла темным вечером домой – заработалась – иду, и сзади подходит хамоватый мужичок, начал сначала у меня выпрашивать мелочь, – уж не знаю на что, но, видимо, на алкоголь, ибо пасло от него неистово, – я ответила отказом. Он не унимался, говорил, мол, девушка, ну что же вы так бродягу обижаете? Вернуться ведь может... Но я человек не суеверный, мне все рав-

но на все эти выдумки. А он все не отставал и не отставал, и в конечном счете давай дергать мою сумку! И вдруг какая-то девушка выбегает из-за угла, пытается вместе со мной отобрать мою сумку, достает из своей что-то. Как оказалось, перцовый балончик. И здорово так напшыкала тому уроду.

– В нашем городе, – сказала она, еще отходя от борьбы, – опасно ночью передвигаться. Лучше носить с собой средство защиты.

– Не спорю, – я пыталась отдышаться. – Но я всегда ходила и ничего, никто не трогал.

– А вот в один прекрасный момент тронут, – отрезала она. – А вы откуда вообще идете?

– Да вот, недалеко отсюда ларек, там выпечка... Я там работаю.

– Правда? Так это я у вас покупала сегодня пару пирожков.

– И? – я будто бы уже забыла о том бандюгане. – Как на вкус?

– Шикарные! – она чуть всплеснула руками. – Буду еще брать.

Мы с ней прогулялись. Ночью, казалось бы, и прогулки, да? И разболтались так хорошо. Разошлись на мирной территории.

И вот, спустя какие-нибудь полгода, мы – чуть ли не лучшие подруги. Да, с тех пор, как я дружила с Виктором и Лерой, у меня больше никого не было. Мы с ней очень быстро

и хорошо сдружились. Но я все равно опасалась предательства или чего-нибудь такого – все-таки давали о себе знать школьные годы. Но, удивительно, спустя еще полгода, мы только крепче стали общаться, нашли общий язык, общие темы, и в то же время как-то дополняли друг друга всяким разными. Она рассказывала мне про то, чем я не интересовалась, но она так интересно рассказывала, что любо слушать. И наоборот, я рассказывала ей про свое. Как-то так дополняли мы друг друга.

Вскоре я поняла, что она еще оказывается художник, причем весьма неплохой и перспективный, но куда податься было ей – неизвестно. Я чуть ли не восхищалась её мастерством.

– Да? Правда считаешь, что это хороший рисунок? – спрашивала она меня, чуть измазав щеку зеленой краской и держа руку так, что она почти прижалась к плечу. Потом чуть вытянула.

– Ну конечно! – я трепетала.

Такие моменты её очень радовали, но меня угнетало то, что такое перспективное мастерство уходило куда-то далеко, где нет возможности показать это мастерство во всей красе. Обрезались все перспективы.

В тот момент я поняла, что дружба – это нечто большее, чем просто шуточки да прибауточки. Дружбу надо выстраивать. Одного фундамента недостаточно, надо еще построить и стены, и двери, и так далее. Дружба – это строение по кир-

пичам, чуть не так положишь и все, здание может развалиться. Однако всегда есть возможность домик перестроить, другое дело – желание.

И, подводя к кульминации, скажу, что время шло, обучения в универе все ухудшалось и ухудшалось, и в итоге, не окончив последние полтора года, зато упорно трудилась в бизнесе. Ну, тогда бизнесом это трудно было назвать. Мама со мной из-за универа не разговаривала неделю, настолько обиделась. Не работала со мной тогда. Я за двоих трудилась. Приходила вся обессиленная, уставшая, сразу валилась на кровать. Клиентов становилось больше, счета, счета и еще раз счета – повсюду счета. Но вот мама наконец восстановилась, вроде под утихла её обида. Вернулась на работу и мне стало полегче. И вот, я сама и не заметила, как начала расширяться, бизнес пошел очень бодро и весело. Но как же я изматывалась, да и мама тоже. Я полностью погрязла в этом. И вот, спустя еще три года, открываю предприятие побольше. Ларек оставила на маме – она наняла работников и продолжала этим заниматься. Я же погрязла в этом новом предприятии. Мы стали продавать кухонные приборы и посуду. Да, этот переход от маленького дела к большому был еще сложнее, чем продажа хлебобулочных изделий. Тут уже и уровень другой, и подход иной требуется, и ответственность больше. Шестеренок в механизме больше, одна заклинит, – и все, ищи свищи её. А весь механизм застынет, встанет. Шустрыми, но монотонными темпами мы наращи-

ваем обороты, растем и прогнозируем, прогнозируем. Вообще анализа было очень много. Так же нужно четко планировать свое дело, но мы с тобой не о торговле и как это устроено говорим, верно? Фирма со временем разрослась, мы начинали все больше и больше товаров продавать, налаживая связи. Надо признать, тогда-то я и раскрылась как личность. Я прямо-таки начала чувствовать себя уверенно. Я стала крепка морально, крепка как личность. Знала, когда нужно атаковать, а когда – обороняться. А иногда нужно было вообще зарыться в окопах и не выглядывать. Но я не забыла про родителей, про подругу свою единственную. Более менее развившись, я наняла её как дизайнера. И совсем не зря. Махом убила двух зайцев – и она нашла себя, и у меня появился отменный дизайнер, который придавал определенную изысканность нашим стенам, нашим потолкам и нашему интерьеру. В общем изнутри наша база преобразилась.

– Господи, – говорила она. – Я никогда таких денег не получала...

На это я лишь улыбалась. Я была рада. Радость эта была тихая. Я гордилась подругой, своими родителями. Все они меня не посмели подвести. Все это досталось мне благодаря нашим общим усилиям. Они, когда нужно, поддерживали меня, когда нужно, подбадривали, придавали сил, когда хотелось упасть на колени и бросить все. Я не упоминала это? Хотелось бросить, очень хотелось. Но я не позволяла себе. Они не позволяли мне.

И вот, фирма эта начинает продавать не только посуду и кухонные приборы, но и канцелярские принадлежности, мебель. И все это и оптом, и в розницу. Фирма эта стала крупным поставщиком разного рода товаров. А в главе этой фирмы – девушка, которую все оскорбляли и гоняли в школе. Которая, казалось, ни на что не способна, кроме как читать свои скучные книжки и ненавидеть этот мир из-за несправедливости. А все это выросло из продажи булок. Вот так вот.

9. Пицца для ума (продолжение)

– Но девушка эта не ненавидела мир, а приняла его, пере-
силила себя, верно? – сказал Василий, чувствуя, как солнце
слепит его глаза.

– Можно и так сказать, – улыбнулась Кана.

– Думаю, думаю... Что это по истине история о девушке,
добившейся успехов.

– Хм... – лишь мудрено изрекла она. – Кажется, ты гово-
рил однажды, что, порой, тебе не о чем задуматься. Вот, бу-
дет тебе пицца для ума. А я...

– Что? Уже уходишь? – глянул на неё Василий.

– Угу. Дела не ждут.

– Эх... Ну ладно, прощай.

– Пока, – она раскинула привычную доброжелательную
улыбку.

Василий сам едва улыбнулся.

После этого он долго еще сидел в парке, раздумывая над

тем или иным.

«Да уж... Жизнь Каны – та еще рулетка. Глядя на эту историю, можно сказать, повидала она всякого. Однако взошла на верх. Не на самый, но на возможный. Наверное, верх может быть бесконечным. Люди сами ставят себе пунктиры, чтобы определиться, где им нужно остановиться, сойти со станции. Кана же достигла своего верха. Это... Это достижение. Даже вроде бы это не было её мечтой, или чем-то таким, что будоражило в ней кровь и заставляло идти к этому, но что-то тянуло её к созданию этого предприятия. Непонятно что, но оно было. Может, тяга доказать в первую очередь себе, что она может достичь того, чего хочет, может достигнуть той дальней остановки, которая находится в тумане? Или, быть может, она всегда-навсего хотела сказать всему миру, что она не загнанная всеми и забитая в себе ботаничка? Что она такой же человек, как и все?..»

10. День не задался сразу.

Как всегда проснувшись в час дня, Василий, после того, как открыл один глаз для того, чтобы посмотреть на часы, свалился с кровати, ударившись локтем. Зашипев от боли, он вскочил с пола, взглянул на руку и заметил небольшие ссадины на ней. Досадно. Но ничего страшного не произошло. Он надел домашние шорты и натянул на себя белую майку. После резкого пробуждения он поплелся на кухню, навел себе кофе и приготовил бутерброды.

Пока он жевал бутерброды и пил кофе, светлые лучи

солнца прорывались сквозь занавески и падали на пол кухни Василия. За окном вдруг послышались детские голоса. «Детишки», заключил Василий, выглянув в окно. Покончив с пищей, он решил сразу же прогуляться. Он почистил зубы, помыл голову, побрил бородку, которая так и мечтала вылезти. В общем, привел себя в полный порядок. После всех манипуляций он отправился в путь.

На улице стояла теплая, даже жаркая летняя погода. Василий любил теплую погоду. Осень, как примеру, он не любил, потому как в осеннее время погода особенно неприятная – дожди, сырость, холод, грязь – все это наводило его лишь на скуку, уныние, депрессию и непроглядную, словно тьма, окутавшая его настроение, лень. Осеннее настроение для него было слишком болезненным, бывало, он даже месяц мог не выходить из дома по причине простого нежелания видеть гадкую погоду. Перед этим он закупал кучу продуктов, и все равно их не хватало, и он перебивался чем мог, иногда и не питался вовсе. Василий мог голодать, лишь бы не видеть неприятнейшую осень, которая заставляет лишь грустить. Настолько сильно он не любил осень. А вот весну и лето он встречал с большой радостью. Весной начинается приятно теплеть, деревья начинают цвести, а бутоны цветов – распускаться. В такую погоду Василий начинал чувствовать жизнь на полную, он чувствовал приток сил, приток настроения творить и вершить, но все равно вечно чего-то не хватало...

Василий двигался в сторону парка, попутно наблюдая за светлым небом, из которого проглядывало солнце, словно сторонний, но постоянный наблюдатель.

«И правда, а вдруг солнце – нечто больше, чем звезда? – начал размышлять Василий. – Некий наблюдатель, сторожила порядка, но тогда зачем ты, солнце, даешь волю осени, этой гремучей грусти? Кому вообще может нравиться такая погода? Я понимаю прохлада, но грязь, слякоть и дожди? Что в них хорошего? Не понимаю. Но раз уж тебе так угодно, светило всех светил, то так тому и быть»

Дойдя до парка, он огляделся по сторонам, и не заметил ни одной души. Ни один человек не гулял в парке.

«Странно, обычно люди здесь частенько гуляют. Не то чтобы куча людей, но сколько-то гуляет, а сейчас их нет совсем. Будем надеяться, что хоть Кана придет» У василия не было с собой часов, но он точно помнил, что вышел с дома приблизительно в 13:30, а Кана сказала, что в парке бывает с 12:00 часов. Что же это получается? В парке не то чтобы нет Каны, здесь нет вообще ни единой живой души, хоть на улице и стояла теплая погода, которая прямо располагала лишний раз встать с дивана и прогуляться на улице. Казалось, будто люди разом решили не идти на улицу – решили показать свой протест.

Василий сидел на лавочке и размышлял о всяком, сложив руки в замок и положив на них свою голову, как вдруг он заметил какое-то движение. Движение происходило в траве,

что росла в парке. Сначала Василий не придавал этому особого значения, но это движение все происходило и не давало покоя, словно имея при себе желание всеми силами призвать его к себе, захватить его интерес.

Если так, то движению это удалось.

Василий встал с лавочки и медленным шагом направился к этой траве.

– Кто там? – спросил он

Ответа не последовало.

Василий приблизился к кустам максимально близко.

«Ну, что бы или кто бы ты ни был, я готов», бодрил себя Василий. Резким движением он развел кусты в стороны и увидел там обычного ежа, коих можно было заметить не слишком часто. Вот уж чего-чего, а ежа он не ожидал увидеть.

– Вау, привет, дружок, – проговорил он. – Приятно с тобой познакомиться.

Ежик словно боялся произвести хотя бы какое-либо движение. Он лишь скромно фыркнул, слегка показав свою черную вытянутую мордочку с малюсеньким носиком. Казалось, что вооруженный своими беленькими иголками ежик был готов в любой момент свернуться.

– Знаешь, мне приятно знать, что хотя бы одна живая душа в этом парке все же есть. Кажется, будто все специально сговорились, решив оставить меня в этом парке одного.

Ежик лишь напряженно фыркнул.

– Ну, не буду тебя отвлекать, дружок, иди по своим делам, а я пойду по своим... Удачи тебе.

Ежик снова фыркнул.

Василий снова присел на лавочку.

«Интересная, наверно, жизнь у ежа, хоть и трудная. Ходишь, собираешь себе потихоньку пропитание: грибочки, яблочки. Что они еще там едят? Листья? Может быть, но не уверен. Но ежам, наверное, трудно, ведь они медленные, и единственный способ их обороны – это иголки. Так человек вряд ли захочет иметь дело с ежами. Ежик просто закрывается, сворачивается в клубок, не желая видеть человека или какого-либо еще существа: враждебного или нет. И правильно, всегда нужно быть на

готове – никогда не знаешь, как повернется жизнь. Даже самое дружелюбное на первый взгляд существо может жестоко и беспощадно навредить тебе. Людям не помешало бы поучиться у ежей мастерству сворачиваться в клубок. Иногда это может пригодиться.»

Тени деревьев падали на дорожку, что была в парке. Тени были устойчивы, не колыхались из стороны в сторону, а смиренно стояли, словно ожидая приказа.

«А каково, интересно, живется деревьям? – снова начал размышлять Василий.– Нелегко, сказал бы я, люди ведь их не берегут, да и не только деревья, в целом природу: цветы, реки, озера, поля. Люди небрежно относятся к природе, бросая окурки где только-только распустило свои корни де-

рево, или выбрасывая различный мусор в реку, загрязняя её и мешая мирно жить морским жителям, выбрасывая отходы в реки. Все это вредит природе. Но зачем так люди поступают? Мне не понятно. Кому-нибудь это понятно вообще? Хотя... много ли людей об этом задумывается? Хотя стоило бы. Ведь других жителей на этой планете нет. Кто, если не мы? Мы же сами и губим свою жизнь, получается. А потому возмущаемся и спрашиваем у богов, „почему же это мои родители так мало прожили“. Да потому что ты чертовы окурки бросаешь где попало, болван! Бросаешь бутылки из-под пива в неудобных для этого местах... Человек, пожалуй, самый жестокий убийца. Столько лет эволюционируя, люди так и не научились следить за собой. Человек настолько жесток, что он готов убивать самого себя и свое будущее поколение»

Василий вдруг решил покурить. Он никогда не курил сигареты, лишь захватывал дым от мимо проходящих людей, но сам он никогда этим не занимался. Ни с того ни с сего, у него вдруг возникло желание покурить. Почему? Неизвестно. Какое-то время он так и просидел на лавке, решив, что желание спадет само по себе, но этого не произошло.

Пришлось идти в магазин за пачкой сигарет.

Василий, снял пленку с упаковки сигарет, открыл её, взял одну сигарету, и, с неподдельным интересом взглянув на неё, поджег зажигалкой. Закурив её, он откашлялся. Он начал курить сигарету, которая начала отдавать знакомым запа-

хом. Это запах не был ни противен Василию, ни приятен. «Странное это дело, то людей в парке нет, то вдруг я закурить решил.», думал он. В парке по-прежнему никого не было. Лишь Василий. Теперь уже курящий Василий, который все сидел и дымил, о чем-то в очередной раз задумавшись. Он и не заметил, как за короткий промежуток времени выкурил целую сигарету, учитывая, что никогда этого не делал. Выкинув окурочек в урну, перед этим потушив его, он пытался понять, какие ощущения дала ему эта сигарета. «Пожалуй, никаких. И почему люди так любят курить?», заключил он. Чувствуя во рту неприятную горечь, Василий закинул в рот жвачку с мятным вкусом, которая приятно охлаждала рот, словно очищая его от нечистот.

Несмотря на то, что парк был хорошим местом для раздумий, Василий решил отправиться домой.

«Скучно как-то без людей. Хотя казалось бы, какая разница? Сиди себе и думай, греясь на солнышке. Но вот как-то не идет. Странное это дело»

Не успел Василий встать с лавочки, как вдруг заметил странное свечение вдалеке.

«Неужели это опять ежик?», иронизировал он про себя. Он направился к этому свечению. Оно отдавало синевато-голубым цветом, который напоминал пар или дым от горящего огня. Однако нечего, кроме этого свечения не было видно. Ни костра, ни чего еще либо. Лишь как бы цветной пар. Запаха от него тоже не шло. Это свечение находилось чуть

дальше кустов с ежом, неподалеку от тропинки. Василий направился туда.

Придя на это место, он обнаружил, что первоисточник этого свечения загоралось дерево, посему увидеть, откуда оно шло не представлялось возможным. Если только не попробовать отвести в сторону ветки, что Василий и сделал.

После этих действий, он наконец добрался до свечения. Оказалось, что оно шло из-под земли, словно какое-то призрачное сотворение. Ничего, кроме обычной земли видно не было. Василий с минуту лишь тупо смотрел на эту область, откуда шла странная магия. После этого он аккуратным шагом решился наступить на эту область.

Он не успел опомниться, как вдруг провалился неизвестно куда. В неизведанную пропасть, которую, казалось, невозможно было обуздать. С неистово дикими криками он летел. Летел неизвестно куда. Пропасть была до ужаса странной. В глаза бросались темные, синие, яркие, белесые цвета, иногда даже попадались цвета радуги. Он летел настолько быстро, будто бы разогнался на максимальную скорость на мощнейшем мотоцикле. Однако здесь не было ничего. Ни ветра, ни тепла, ни холода. Лишь непонятная мрачная темнота, в которой иногда проглядывались различные символы, иероглифы, слова, странные картины, фотографии, различного рода видео. Вот, одно из них.

На этом видео какая-то девушка с карими глазами улыбалась мужчине, а тот ей. Они хотели обняться, как вдруг он

со всей силой ударил эту девушке в лицо, отчего та истощенно начала кричать. Звука не было слышно, однако по гримасе можно понять, что ей было до ужаса неприятно и она никак не ожидала такого предательского удара. Мужчина вдруг соскочил со стула, на котором сидел, взял рядом лежащую битую, которая неизвестно откуда взялась и начал дубасить девушку со всей силы. Кровь вишневым цветом плескалась в разные стороны, напоминая кляксы художника, тело девушки корчилось от наносимых ударов, но она не могла встать и уж тем более дать отпор. Василию стало тошно от такого зрелища, однако ролик продолжался и не смотреть было невозможно. Он хотел бы закрыть глаза, но каким-то неведомым образом он не мог, словно неведомая сила не давала ему этого сделать, заставляла смотреть этот ролик. Лицо мужчины выражало лишь злость и агрессию. Он был настолько зол, будто встретил человека, который испортил ему всю жизнь. Но разве эта милая девушка могла такое сотворить? У девушки было изуродовано все лицо, оно было все окровавлено, превратилось в абсолютный мясной фарш, где нельзя было разобрать ни одной черты лица. Лишь обрызганные кровью волосы было кое-как видно. Мужчина на миг прекратил безумие, но битую не отпустил, а продолжал стоять, держа её одной рукой, часто дышал, слегка вздымая плечи, пытаясь захлебнуть как можно больше воздуха. Девушка, очевидно, уже была мертва. Она не двигала ни одной частью тела и, кажется, не дышала. Василий лишь продолжал

лететь сквозь бездонное темное море. Мужчина вновь принялся за биты, решив, видимо, сделать окончательный удар. Он ударил девушку прямо по солнечному сплетению, отчего та лишь резко дернулась и замерла на веки. Василий от такого жуткого зрелища прикусил верхнюю губу. Ему стало не по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.